
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2016/3

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2016

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Стефка Калева.

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Вladoва (главный редактор), доц. д-р
Ирина Захариева (зам.гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. Елена Стоянова, доц.
д-р Христо Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв.
секретарь), Радослава Лесневска (технический редактор).

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

- Мария Павловна Котюрова*
О ПОНЯТИИ «ЭТАЛОННЫЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ»..... 5
- Татьяна Васильевна Терзиева*
ТЕРМИН КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ
ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ 15
- Нина Васильевна Баско*
ТЕНДЕНЦИЯ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ОСНОВНЫЕ
ФОРМЫ ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 27

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Йосиф Наумович Мороз*
МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ РАЗБОЙНИКОМ ГЕРОЯ СКАЗКИ А.С.ПУШКИНА
«ЖЕНИХ»?..... 38

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Анастасия Владимировна Вавулина,*
Наталья Зиновьевна Кольцова
ИСТОРИЯ ВНУТРИКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО
ФЕНОМЕНА «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» 46

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Борис Владимирович Тарев*
МЕДИАКОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ
ОВЛАДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 57

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

- Наталья Ивановна Голубева-Монаткина*
РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О ФИЛОСОФСКОМ ПЕРЕВОДЕ 68

РЕЦЕНЗИИ

- Лариса Георгиевна Викулова,*
Эльвира Михайловна Рянская
Дамян Митев «КАТЕГОРИЯ ВОЗРАСТА В АСПЕКТЕ НОМИНАТИВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И
БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)»..... 79

ХРОНИКА

- Димитрина Спасова Лесневска*
НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«МИР – ЭТО СЛОВО, СЛОВО – ЭТО МИР» 84

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Любов Стефанова Мишева

131 ШКОЛА ИМЕНИ К.А. ТИМИРЯЗЕВА В СОФИИ 86

IN MEMORIAM

ВАЛЕРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ МОРКОВКИН (1940-2016)..... 91

Александра Игоревна Ольховская

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 98

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 99

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 102

ЛИНГВИСТИКА

Мария Павловна Котюрова
ПГНИУ
Пермь, Россия

О ПОНЯТИИ «ЭТАЛОННЫЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ»

Аннотация: Статья посвящена вопросу о статусе понятия *эталонного научного текста*: обозначает ли термин реальный научный текст или абстрактное понятие, необходимое в методологическом отношении, – как идеал, эталон, образец. В статье *эталонный научный текст* понимается как совокупность свойств текста, *каждое* из которых эксплицировано в качестве доминирующего, сформированного по своим правилам, как эталонное, поэтому может соответствовать *хорошему научному тексту*.

Ключевые слова: научный текст, эталонный научный текст, хороший научный текст, связность речи

Maria Pavlovna Kotyurova
Perm State National Research University
Perm, Russia

ABOUT TERM «REFERENCE SCIENTIFIC TEXT»

Abstract: The article is devoted to the problem with the status of the term *reference scientific text*: is this notion means real scientific text or abstract notion of linguodidactics. The author's definition of reference scientific text is offered.

Keywords: scientific text, reference scientific text, good scientific text, coherent speech

С чего начать? Сегодня уже бесспорно: «Мысль не есть нечто готовое, подлежащее выражению. Мысль стремится, выполняет какую-то функцию, работу. Эта работа мысли есть переход от чувствования задачи – через построение значения – к развертыванию самой мысли» [Леонтьев, Рябова 1970: 27]. Может, начать с мысли о тексте, который сейчас передо мной, – тексте книги Жака Деррида «Позиции»? Деррида принадлежит «к следу Хайдеггера. Он освоился в его наследстве», как пишет в предисловии переводчик этой книги

В. В. Бибихин... Все мы – чьи-либо наследники. Мне уютно в наследстве моего учителя Кожиной. Однако вот парадокс: мы, ее ученики, не можем сохранить это богатство, «все идет в разнос», наследство «расташено» раньше, чем возникла эта ассоциация. И в то же время: чем больше его «разносят», тем больше оно сохраняется, укрепляется, возрастает.

С неизбежностью сужаю ракурс рассмотрения функционирующей языковой системы до одного функционального стиля – научного, поскольку задержалась в нем на всю жизнь... Мысленно представляю себе разные приступы к нему: лексикоцентрический, в составе которого в самостоятельную область лингвистического знания получил развитие терминоведческий; функционально-стилистический, сначала соотносимый с функционированием единиц разных языковых уровней, затем – с формированием текстовых свойств, объясняемых спецификой экстралингвистической основы; эпистемический, определяемый с учетом содержания как знания об объекте познавательной деятельности, применения знания, полученного предшественниками на эмпирическом этапе научного знания либо развития знания на теоретическом этапе его формирования, а также психологический – с учетом субъекта речи, раскрываемого посредством его метатекстовой деятельности в процессе формирования и выражения нового знания; дискурсивно-функционально-стилистический, «узаконивший» изучение экстралингвистической (не собственно лингвистической, а дискурсивной) основы функциональных стилей; на основании этого подхода – с акцентом на мыслительной деятельности автора – стало возможным развитие жанроведения в рамках стилистики научной речи, определение статуса политекстуальности научной речи, становление идиостилистики научных текстов, с акцентом на вспомогательной функции языковых единиц в процессе порождения и восприятия речи – развитие дискурсивной стилистики и т.д.

Исследование функционирующей языковой системы связано со стремлением «к расширению любых рамок, междисциплинарным связям, постановке глобальных задач, *хотя часто и без строгого метода* (Курсив наш. – М.К.)» [Викторова 2015: 7]. Это не означает отсутствия методологической базы, но как раз предполагает

использование различных методик *в совокупности*, причем с ключевым вниманием к *интерпретации* изучаемого предмета, отобранного из материала, зафиксированного самим исследователем в соответствии со своей установкой. Сделаем необходимую оговорку: оставляя в подтексте наши представления о научном тексте в соответствии с вышеназванными подходами (приступами), ниже мы сделаем акцент именно на интерпретации ясного, вполне очевидного свойства текста – его связности. А пока...

При анализе семантики текста, ее специфики целесообразно воспринять мысль А. В. Бондарко об анализе грамматической семантики форм слова: «Основное значение грамматической формы трактуется как ее эталонный репрезентант» [Бондарко 2002: 265]. В связи с этим интересно раскрыть систему вариантов; именно по отношению к тексту «целесообразно использование понятия ... *эталонного варианта*, наиболее точно и полно представляющего специфику рассматриваемого признака» [Там же]. Эталонный вариант определенного инварианта является системным репрезентантом, глубинным источником возникновения подчиненных ему вариантов. «Инварианты ... далеко не всегда осознаются говорящими и далеко не всегда включаются в сферу актуального смысла» [Там же].

Остановимся на деятельностном подходе к языку, функционирующему в сфере коммуникативно-познавательной деятельности человека. Процесс порождения текста можно представить в виде модели последовательных операций, для выполнения которых необходим «пусковой механизм». Таким пусковым механизмом, по мнению А. И. Новикова и Н. Л. Сунцовой [1999], является авторский замысел, в соответствии с которым формируется уникальный текст. «Эта уникальность («единственность») объясняется самой природой замысла, в котором, в отличие от темы-понятия (существующего в интеллекте автора. – М.К.), отражается определенный конкретный аспект рассмотрения потенциального предмета описания» [Нестерова 2015: 189]. Вместе с тем, как считает Н. М. Нестерова, рассматривая концепцию А. И. Новикова и Н. Л. Сунцовой применительно к текстам переводов,

«созданные на основе одной темы-понятия тексты могут образовать своего рода синонимический ряд» [Там же].

Разделяя мнение Н. М. Нестеровой о переводных текстах-синонимах, в качестве его подтверждения можно представить ситуацию создания и совершенствования одного и того же текста на разных этапах его подготовки к публикации: черновик, текст, подвергнутый саморедактированию, и текст, подготовленный к публикации профессиональным редактором. Понятно, что текст, «прошедший» редактирование, в большей степени способен не только передать содержание, но и сформировать представление о речевой индивидуальности ученого [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011].

Здесь напрашивается аналогия с понятием «стандартного языка», рассматриваемого применительно к английскому языку. «Стандартный английский понимается как язык «усредненный», лишенный индивидуального своеобразия и креативного потенциала, своего рода язык-посредник для общения в официальной сфере, лишенный территориальных ограничений и минимальной зависимости от контекста. ... Не случайно некоторые авторы называют его ‘ничьим языком’» [Германова 2015: 71].

Надо сказать, что совершенствование текста предполагает стремление автора (и редактора) помочь читателю не только понять объективное содержание текста, но и проникнуть в субъективную смысловую структуру текста. Здесь вполне уместно привести очень важное заключение А. И. Новикова: «Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а *смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст* (Курсив наш. – М.К.)» [Новиков 2007: 179]. Отсюда вполне обоснованная значимость и рациональной, и эмоциональной оценки особой вспомогательной (помогающей читателю) системы языковых единиц – системы, объединяющей вспомогательные коммуникативные единицы (см. концепцию вспомогательной системы дискурса в [Викторова 2015]), без которых не обходится ни один текст. В частности, в научном тексте в разной степени проявляется стремление автора обеспечить адекватное восприятие читателем содержания текста в дискурсе как

совокупности монотематических текстов. Ясно, что эти вспомогательные коммуникативные единицы (историю вопроса см. в [Викторова 2015]) в научном дискурсе стереотипны [Котюрова 1998], выступая в роли универсальных коммуникативно-прагматических средств речевой организации научного знания. Целесообразное, можно сказать, эталонное пользование системой вспомогательных коммуникативных единиц, т.е. отбор и употребление действительно необходимого компонента стереотипного комплекса, с неизбежностью предполагает (даже требует) актуализировать целостно-композиционное мышление автора (при создании текста и его саморедактировании) и редактора (при профессиональном редактировании текста). Вся работа по редактированию текста подчинена стремлению приблизить текст к созданию в нем именно эталонных свойств.

Определим направление и совокупность контуров движения мысли с целью углубить понятие научного текста. В данном случае обратим внимание на свойства эталонного текста, к созданию которого стремится автор. Понятие «эталонный текст» (аналогично понятию «литературный язык») в известной мере является абстракцией, идеализированным конструктом, однако оно выполняет научно-познавательную функцию в качестве фонового понятия при изучении реальных текстов и их признаков.

Как было рассмотрено ранее [Котюрова 2010], свойствами (контурами) эталонного научного текста являются монолитность – членимость, связность – прерывистость, логичность – ассоциативность, целостность – композитивность и др., совокупность которых приводит к понятности либо «мучительному непониманию». Следует подчеркнуть, что все названные и др. свойства конкретного, реального текста репрезентируются отнюдь не равномерно, а «рассеиваются», «разносятся» по ландшафту дискурса под действием различных факторов, исходящих и от объекта, и от субъекта познавательной деятельности. Поэтому важно сделать оговорку: эталонный текст как идеальный конструкт, обладающий совокупностью вышеназванных свойств в яркой, значит, доминирующей форме, по существу не может быть наблюдаемым. Другое дело, что понятие эталонного текста можно «приложить» к

конкретному тексту, определить доминирующее свойство (текстовую категорию) этого текста и сопоставить его выражение с эталонной (типичной) текстовой категорией. Речевая онтология характеризуется большей или меньшей сопряженностью текстовых свойств (категорий) вплоть до изолированности, что обусловлено дискурсивной, или экстралингвистической, действительностью. Важно подчеркнуть, что эталонный характер определенному фрагменту придает выражение именно доминирующего свойства текста.

Мы исходим из того, что каждый автор стремится экономно использовать языковые средства выражения научной мысли, сжать содержание и втиснуть его в языковую форму. Интересно то, что авторы достигают гармоничного соотношения содержания и формы различными способами. В приведенных ниже фрагментах текстов обратим внимание на выражение одного из необходимых свойств текста – его связность.

1) «В проблематике системного анализа группировок функционально-семантических полей и категориальных ситуаций существенную роль играет вопрос о соотношении семантических категорий, *входящих* в состав широких семантических единств (категориальных комплексов). Одно из таких единств – аспектуально-темпоральный комплекс, *включающий* категории, *отражающие* разные стороны идеи времени. Компоненты этого комплекса – категории аспектуальности, временной локализованности, темпоральности, таксиса и временного порядка. Идея времени, *трактуемая* в самом широком смысле, рассматривается нами в ее языковом представлении, как широкая макросистема, *объединяющая* комплекс более частных систем. Речь идет о семантических категориях, *выражаемых* различными языковыми средствами и *лежащих* в основе соответствующих ФСП и КС» (Бондарко, 359).

Текст состоит из пяти предложений, которые включают 7 причастных оборотов. Все эти предложения связаны лексическими повторами семантических *единств – одно из таких единств; комплекс – компоненты этого комплекса; временного порядка – идея времени*, а также особым лексическим повтором – кольцевым – о

соотношении семантических категорий – речь идет о семантических категориях.

В рассматриваемом отношении важно также, что причастия как отглагольные части речи характеризуются скрытой (имплицитной) предикативностью. См.: *категорий, входящих – категорий, которые входят; комплекс, включающий – комплекс, который включает; категории, отражающие – категории, которые отражают; идея времени, трактуемая – идея времени, которая трактуется; макросистема, объединяющая – макросистема, которая объединяет; категориях, выражаемых – категориях, которые выражаются; категориях, лежащих в основе – категориях, которые лежат в основе.* В связи с этим можно считать, что текст из пяти предложений включает 12 тесно связанных предикативных единиц (!), значит, характеризуется «чеканкой» высокого качества, именуемого плотностью текста. Очевидно, что нельзя не оценить этот отрезок из текста монографии как гармонично, именно эталонно связный.

2) *«Рефлексия над своим участием в коммуникации вынуждает субъекта речи превращаться в субъекта сознания: [идентифицировать и квалифицировать – 1-ый сочинительный ряд] свои (и чужие) [чувства, эмоции, реакции, потребности, намерения, мысли, идеи, соображения, устремления, идеалы, а также способы – 2-ой соч. ряд] их объективации [в коммуникативном, межличностном, социальном и культурном взаимодействии – 3-ий соч. ряд], и тем самым осознавать свое участие [в социальном, культурном и интеллектуальном – 4-ый соч. ряд] пространстве. Рефлексия как особо выделенное ментальное состояние проявляется в интенциональности [действия, поведения, деятельности, познания, мышления, культуры, речи и коммуникации – 5-ый соч. ряд]. Язык – важнейшее средство рефлексии, причем не только рефлексии [над языком, речью, межличностными отношениями, культурой и коммуникацией – 6-ой соч. ряд], но и саморефлексии – 7-ой соч. ряд]. Воплощенные в языке соответствующие [средства и знания – 8-ой соч. ряд] {носят неявный характер, «субъектно» окрашены, интерпретативны и антропоцентричны, формируют важнейший компонент естественного интеллекта – [сознания и самосознания –*

10-ый соч. ряд], и в целом развивают социальное взаимодействие: регулируют, направляют и совершенствуют его – 9-ой соч. ряд}.

При этом становится ясно, что как бы [полно и точно –11-ый соч. ряд] ни было квалифицировано в речи [КН высказывания, его метасмысл – 12-ый соч. ряд], оно оказывается тем не менее не выразимым полностью» (Рябцева, 421).

И в этом примере налицо гармоничное, значит эталонное, соотношение содержания и формы. Приведенное рассуждение также состоит из пяти предложений, связанных лексическими повторами *рефлексия – рефлексия – рефлексии; язык – в языке* и дискурсивом *при этом*. Кроме того, в рассуждение включено 12 сочинительных рядов, которые, как известно, могут объединять не только однородные члены предложения, значит, особо ориентированы на интеграцию смысла. Кстати, здесь имеются как двучленные, так и многочленные сочинительные ряды (см.: 2, **11**, 4, 3, **8**, 5, 2, 2, **9**, 2, 2). Отсюда видно, что с учетом даже только таких способов связи, как лексические повторы и сочинительные ряды, применительно к данному тексту можно говорить об эталонной, т.е. крайне высокой, степени связности речи.

В рассматриваемом отношении важно, что свойства текста формируются посредством единиц не только, условно говоря, первого ряда информативности, прежде всего терминов, но и информативности второго ряда, относящихся к системе вспомогательных коммуникативных единиц.

3) «*Прагматическая вариативность*, о которой пойдет речь в данной статье, соотносится с несколькими подвидами вариативности: а) **социальным... варьированием...** ; б) пространственным варьированием... *Под прагматической вариативностью мы понимаем* варьирование в употреблении слова в соответствии с основными параметрами прагматического контекста. *Данный тип вариативности предполагает* способность слова изменить *типовую* для его употребления ситуацию или же *типовой* социум, этнос и т.д. При разработке *типологии факторов, ... необходимо учитывать «регулярную модель»* социальной дифференциации языка У. Лабова... В основе *данной модели*, как известно, лежит существование двух видов **социальной вариативности** языка:

стратификационной (по вертикали) и ситуативной (по горизонтали)» (Профили языка, 80).

Как видим, данный фрагмент текста статьи характеризуется, можно сказать, эталонной связностью речи, когда связь тоже пяти самостоятельных предложений выражена ясно, четко, очевидно лексическими повторами *прагматическая вариативность – вариативность, типовой – типология, «регулярная модель» – данная модель*, а также кольцевым повтором *социальная варьируанием – социальной вариативности*. Мы склонны объяснять такую эталонную связность речи психологическим фактором – вниманием к структуре фрагмента текста. Благодаря доминированию фокуса внимания на внешней стороне речи, достигается одно из основных свойств текста – его связность.

Вместе с тем в этом тексте имеются погрешности в отношении логичности речи: о дифференциации на подвиды логически целесообразно сообщить после определения терминированного понятия *прагматическая вариативность*; в отношении смысловой сочетаемости – вместо *тип вариативности предполагает* целесообразно употребить *можно соотносить* (в то время как допустимо: *предполагает* выдвинутая автором *гипотеза /осуществляемый автором анализ /* предпринятое автором *рассмотрение*, поскольку глагол *предполагает* требует наличия субъекта действия); в отношении когнитивной сочетаемости – мысль адресанта «для себя» заменяется мыслью «для адресата»: *мы понимаем – необходимо учитывать*.

Как показывает специальное, т.е. внимательное, чтение научных текстов, включая приведенный фрагмент, на предмет соответствия «эталонному научному тексту», такое понятие – чисто научное понятие, значит, абстракция, которую можно иметь в виду лишь при изучении текста, а не в процессе его порождения. Другое дело – совокупность свойств текста, *каждое* из которых эксплицировано как доминирующее, сформированное по своим правилам, как эталонное, т.е. может соответствовать *хорошему научному тексту*. Иначе говоря, как не согласиться с А. А. Леонтьевым и Т. В. Рябовой, что «мысль не есть нечто готовое, подлежащее выражению...».

ЛИТЕРАТУРА

Викторова 2015 – *Викторова Е.Ю.* Вспомогательная система дискурса: Монография/ Е.Ю. Викторова/ Науч. ред. – проф. О.Б. Сиротинина. Саратов: ООО Издательский Центр «Наука». – 404 с.

Германова 2015 – Германова Н.Н., Об онтологическом статусе стандартного английского языка: дискуссии о нормативной традиции в современной англистике // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера / Отв. редакторы: Н. С. Бабенко, В. А. Нуриев. Буки Веди. С. 69 – 79.

Леонтьев, Рябова 1970 – *Леонтьев А.А., Рябова Т.В.* Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи: Материалы к обсуждению. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР. С. 27 – 32.

Нестерова 2015 – *Нестерова Н. М.* Теория перевода и психолингвистика текста: точки пересечения // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера / Отв. редакторы: Н. С. Бабенко, В. А. Нуриев. Буки Веди. С. 186 – 195.

Новиков 2007 – *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. Москва.

Новиков А. И., Сунцова 1999 – *Новиков А.И., Сунцова Н.Л.* Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. Пушино. № 3. С. 158 – 166.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Москва: Буки Веди, 2015. – 380 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. Москва: Academia, 2005. – 640 с.

Татьяна Васильевна Терзиева
ШУ им. Епископа Константина Преславского
Шумен, Болгария

ТЕРМИН КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация: В данной статье рассматривается термин как лексическая единица языка для специальных целей. Анализ показал, что термин как средство обозначения общего специального понятия выполняет определенную функцию. Термин функционирует в нескольких сферах: в лексико-семантической системе определенного языка своим языковым субстратом; в терминосистеме известной отрасли знания или деятельности, т. е. в том или ином языке для специальных целей; в теории развития и формирования этой отрасли. Во всех этих сферах функции термина различны, но характеризуются процессами взаимовлияния и взаимодействия. Таким образом, можно отметить, что термин является полифункциональной единицей и все его функции необходимо рассматривать во взаимозависимости.

Ключевые слова: терминология, термин, язык для специальных целей

Tatyana Vasilyevna Terzieva
Shumen University
Shumen, Bulgaria

THE TERM AS A UNIT OF THE LEXICAL LEVEL OF THE LANGUAGE FOR PECIFIC PURPOSES

Abstract: This article discusses the term as a lexical unit of language for special purposes. Analysis showed that, the term as a designation tool of a special general concept, performs a specific function. The term operates in several areas: in the lexical-semantic system of a particular language through its linguistic substrate; into the term system of a given field of knowledge or activity, i. e. in a particular language for special purposes; in the theory of evolution and the formation of that field of knowledge. In all these areas the functions of the term are different, but the processes of mutual influence and interaction are typical. Thus, it can be noted that the term is a multifunctional unit and all its functions must be considered in the interdependence.

Keywords: terminology, term, language for specific purposes (LSP)

В результате развития новых научных и производственных технологий вопрос о средствах научного общения специалистов различных отраслей науки стал весьма актуальным. Быстрый рост научной, технической и экономической активности, а также и развитие отраслевых языков для специальных целей характеризуется широким проникновением разноязычной лексики. Появилась необходимость в выделении и оформлении языка, который служил бы транслятором этой информации. Об этом пишет Н. Б. Гвишиани, указывающая на то, что «проблема передачи научной информации значительно усложняется, когда ученые, представляющие ту или иную область знания, пользуются в процессе общения разными национальными языками. В этой связи возникает необходимость адекватной транспозиции терминологических единиц из одной системы специальной лексики в другую» [Гвишиани 2008: 215]. Автор также отмечает, что «даже тогда, когда в качестве основного средства международного научного общения используется один какой-нибудь язык (например, английский), положение остается чрезвычайно сложным» [там же]. Процесс общения в научной специализированной области обусловили появление понятия «*язык для специальных целей*» («*language for specific purposes*») в отличие от «*языка вообще*» («*language in general*»). По этим вопросам состоялся в Вене в 1977 г. Первый европейский симпозиум по вопросам «*языка для специальных целей*», используемого в различных сферах научной и научно-технической деятельности» [Гвишиани 1986: 218].

По словам Т. Р. Кияка «исследование профессиональных языков (иначе: «специальные языки», «технолекты») имеет объектом особенности языка определенной отрасли науки. При этом профессиональный язык в определенной степени противопоставляется общеупотребительному языку, хотя словарный запас первого берет начало во втором языке. Но именно проблемы, связанные со спецификой лексики профессиональных языков, привели к необходимости выделения отдельной науки терминоведения» [Кияк 2009: 21–22].

В результате развития терминоведения в различных языках появилось множество наименований, обозначающих эту подсистему

языка. Например, в немецкоязычных странах использовалось название *Fachsprachen*, в англоязычных – *Languages for special (specific) purposes*, во франкоязычных странах использовались названия для каждой отрасли: *France medicale*, *France chemie* и т. д. [Авербух 2004: 16]. Кроме того в различных профессиональных отраслях функционируют специфические названия языка, который обслуживает данную коммуникативную отрасль. Таким образом появились такие наименования как «язык науки (и техники)», «подъязык», «специальный язык», «язык для специальных целей» и др.

История развития теории языков для специальных целей свидетельствует о том, что первоначально появилось устойчивое сочетание *ESP – English for Specific Purposes* (английский для специальных целей его изучения). По мнению К. Я. Авербуха, закреплению термина *LSP (Languages for special (specific) purposes)* способствовало широкое распространение английского языка, приведшее к тому, что международные конференции по терминоведению объявляют все чаще рабочим языком – английский язык [Авербух 2002: 10–12]. Тот же автор пишет «английский язык стал в последние десятилетия подлинным языком международного делового и научного общения, своего рода эсперанто нашего времени, – это сыграло решающую роль в выборе основополагающего термина для данного понятия» [Авербух 2004: 19]. Необходимость в формировании и развитии терминологии и терминологических систем появилась и в других странах, что привело к появлению нового понятия, называющего это новое явление жизни – *LSP – Language for Specific Purposes (язык для специальных целей)*.

В русском языкознании для названия подсистемы общеупотребительного языка сложилось *языка для специальных целей* (далее ЯСЦ). Но в настоящее время в связи с увеличением объема научных исследований в области терминологии и терминосистем различных областей знания и человеческой деятельности, терминоведы не пришли к однозначному пониманию и определению понятия термина в различных отраслях науки. В русском терминоведении отсутствует однозначное понимание и определения Поэтому существуют такие понятия как «язык науки»,

«подъязык специальности», «язык профессиональной коммуникации», «язык научного общения» и мн.др., которые чаще всего отождествляются с терминами «научный стиль», «язык научной литературы», «научно-технический стиль» и др. [Лейчик 2000: 167]. Из монографических работ для нас представляет интерес работа Л. А. Манерко «Язык современной техники: ядро и периферия» [Манерко 2000], в которой автор выделяет особую сферу функционирования национального языка и обозначает ее термином «язык техники». Следует отметить, что в рассматриваемой работе понятие «язык техники» связывается с функциональной стилистикой, своим определением базируется на понятии функционального стиля, поэтому термин *язык техники* синонимичен таким терминам, как *язык науки* («Язык науки и техники неотделим от всего языка, он является частью общей системы»), *научный стиль изложения* («Для научного стиля характерна высокая информативность, логичность, последовательность изложения, четкость формулировок и ясность выражения мысли») [Манерко 2000: 10–11].

Как в русском, так и в зарубежном языкознании рассматриваются вопросы о правомерности выбранного наименования и о том, какие взаимоотношения характеризуют *язык для специальных целей* и *национальный литературный язык*.

К числу наиболее фундаментальных исследований в области специфики ЯСЦ следует отнести работу А. И. Комаровой «Язык для специальных целей (LSP): теория и метод», в которой ЯСЦ описывается как "особая разновидность языка, обладающая выраженными категориальными, понятийными и языковыми свойствами. Язык для специальных целей представляет собой специфическую разновидность «языка в целом», которая используется при общении на ту или иную специальную тему [Комарова 1996: 12]. Вопросам методологии ЯСЦ посвящена и монография Н. Б. Гвишиани «Язык научного общения (вопросы методологии)» [Гвишиани 1986]. Выделение в составе национальных языков особой разновидности языка – *языка для специальных целей* – стало традиционным, однако общепризнанного определения ЯСЦ до сих пор нет. Терминологи считают, что специальная лексика формирует свои пласты (подъязыки),

организованные по типу общего языка, но меньшие по объему и профессионально ориентированные. Например, в исследуемой нами области автомобилестроения, кроме терминологических единиц, обозначающих виды и классы машин, номенклатурных обозначений различных деталей, сортов сталей и сплавов, употребляются коммерческие номены, под которыми готовые изделия поступают в продажу. В подязыке специалистов, кроме того, употребляются различные сокращения, профессионализмы, понятные всем лицам, работающим в данной профессии, но непонятные за ее пределами. Это и дает возможность, ставить вопрос о существовании в рамках общенационального языка некоторого количества автономных, более узких по объему, но специализированных подязыков, или *языков для специальных целей* [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 56].

В работах последних лет, например, в исследованиях В. М. Лейчика [Лейчик 2012], В. Ф. Новодрановой [Новодранова 2007], С. И. Маджаевой [Маджаева 2012], Е. В. Бекишевой [Бекишева 2012], Ф. Ф. Кадырова [Кадыров 2013] и др., отмечается то, что термин «*язык для специальных целей*» (ЯСЦ) и его английский эквивалент «*language for specific purposes*» (LSP) используются достаточно активно. Понятие ЯСЦ рассматривается различными авторами с различной точки зрения.

И. С. Кудашев определяет ЯСЦ как «совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, используемая в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка» [Кудашев 2007: 74]. Таким образом, автор считает ЯСЦ достоянием лишь определенной части говорящих на национальном языке. Он отмечает, что в национальном языке может быть в наличии несколько ЯСЦ, различающихся принадлежностью к определенной профессиональной отрасли, поэтому при проектировании словаря необходимо установить границы описываемого ЯСЦ [Кудашев 2007: 86].

По мнению В. М. Лейчика, «языки для специальных целей воплощают знание в различных сферах человеческой деятельности. Таких языков в нашу эпоху постиндустриального общества насчитывается 200–250. Прежде всего, это языки сложившихся наук, профессиональные языки химии, физики, математики, астрономии, строительного дела, горнодобывающей промышленности и многое другое» [Лейчик 2012: 95].

При изучении особенностей отраслевого языка для специальных целей как особой функциональной разновидности национального языка основное внимание исследователей направлено на сущность термина. Пока не разработана общепринятая классификация терминов, принадлежащих определенному языку для специальных целей. Следует отметить, что во многих терминоведческих работах имеются классификации терминов, созданные на основе субъективного подхода автора классификации к характеристикам терминов и их типологии. Исследования в области терминотворчества указывают на многоликость и неопределённость термина, так как многие лингвисты в зависимости от объекта своего исследования дают различные определения данному понятию. Это приводит к появлению большого количества его определений.

В современном терминоведении сложилось три точки зрения на вопрос о параметрах термина.

1. Первую составляют мнения лингвистов, которые считают, что термин должен быть однозначным, должен иметь жесткие границы своего понятия и употребления в определенной отрасли знания. Согласно этой точке зрения, термины составляют достаточно небольшую группу слов в лексике национального языка и имеют ограничение в своем употреблении. Терминами владеют только специалисты и значения терминов известны только узкому кругу профессионалистов.

2. Вторую группу составляют мнения тех лингвистов, которые считают, что практически каждое слово (особенно – имя существительное) может выполнять функции термина, что практически каждое существительное – это член какой-либо системы научных знаний. Согласно этой точке зрения, теоретически следует

признать многозначность и полифункциональность всех слов, составляющих лексику национального языка.

3. Третью группу составляют мнения исследователей, считающих, что в национальном языке постоянно действуют два разнонаправленных процесса: терминологизации, при котором общеупотребительное слово становится членом терминологической системы, и детерминологизации, в результате действия которого термин переходит из специальной лексики в общеупотребительную.

В результате различных подходов к изучению сущности термина появляются важные для решения вопросов. В настоящее время все чаще используется термин «специальная лексика». Возникают некоторые вопросы: существует ли «неспециальная лексика», вся ли специальная лексика состоит из терминов или в ее состав входит и нетерминологическая лексика. С. В. Гринев предлагает в понятие «специальная лексика» включить такие типы специальной лексики, как *термин*, *номен*, *прототермин*, *терминоид*, *предтермин*, *квазитермин*, *профессионализм*, *профессиональный жаргонизм* [Гринев 1993: 48–52]. Автор дает свое понимание каждой описываемой им единицы. Многие позиции С. В. Гринева поддерживаются большинством терминоведов.

Решением вопросов, связанных со статусом термина, занимается функциональное направление которое возникло в конце 60-ых г. В русле этого направления рассматриваются такие проблемы термина как противоречивость, соотношение со словом естественного языка, контекстуальная обусловленность и др. Основоположник данного направления Г. О. Винокур полагает, который полагал, что «в роли термина может выступать всякое слово, как бы ни было оно тривиально, и что термины – это не особые слова, а только слова в особой функции». Решению этих проблем посвящены исследования Б. Н. Головина, В. П. Даниленко, В. М. Лейчика и др. Наиболее полная типология функций термина приведена в книге С. В. Гринева «Введение в терминоведение». В ней автор наравне с традиционно выраженными (номинативной, коммуникативной, когнитивной, прагматической) функциями представлены и такие функции термина, как диагностическая, проявляющаяся в возможности определения состояния развития

области знания по ведущему способу терминообразования, и прогностическая, способствующая выявлению потенциальных научных направлений. Различаются общие (инструментальная, систематизирующая, суперноминативная) и специфические (моделирующая, изобразительная, гипотетическая) функции термина [Гринева 2008: 203–206]. С. В. Гринева указывает две точки зрения, определяющие статус термина. Согласно первой точке зрения, по мнению С. В. Гринева, многие исследователи (к их числу С. В. Гринева относит В. П. Даниленко) считают, что термином становится общеупотребительное слово. Сторонники второй точки зрения (к ним, в частности, С. В. Гринева относит Н. Ф. Яковлева) считают, что термины в ходе развития языка становятся общеупотребительными словами [Гринева 1993: 27–29].

Вопросам, связанным со статусом термина и специальной лексики, большое место уделено в работах В. М. Лейчика. Так, указывая, что предметом терминоведения наряду с терминосистемами являются термины, В. М. Лейчик подчеркивает: «под понятием класса терминов объединяется целый ряд подклассов объектов, границы между которыми достаточно размыты, поскольку размыты границы языков для специальных целей и их лексики в рамках того или иного естественного языка и возможен обмен лексическими единицами между ЯСЦ и языком повседневного общения (данной проблеме посвящены десятки работ, в том числе диссертаций)» [Лейчик 2007: 138–139]. Следует отметить, что автор выделяет в специальной лексике три подкласса:

1) *специальные термины* (собственно термины) – лексические единицы терминосистем, входящих в лексику того или иного ЯСЦ, а также общенаучные, общетехнические и межотраслевые термины, общие для всех или для большинства ЯСЦ;

2) *терминоиды* – обширный класс лексических единиц, не удовлетворяющих требованиям к терминам по разным причинам. К таким единицам относятся *паратермины* [Политкина 1985] – промежуточные единицы между терминами и нетерминами, *прототермины* [Гринева 1993] – первоначальные, подчас достаточно древние обозначения расплывчатых по семантике понятий донаучного периода осмысления мира и *предтермины* – лексические

единицы терминологий, не выполняющие требований к содержательной и (или) формальной структуре терминов, но которые могут стать собственно терминами, если они войдут в определенную терминологическую систему;

3) *псевдотермины* – лексические единицы ЯСЦ, обозначающие понятия теорий, признаваемых ложными [Лейчик 2007].

В. М. Лейчик считает, что термины и терминосистемы обладают размытостью границ, что и требует к ним соответствующего подхода, применения современных гибких методов анализа и оценки, в том числе когнитивных методов [Лейчик 2007: 140].

В. М. Лейчик исследует термины как лексические единицы ЯСЦ. Номинативные единицы ЯСЦ обозначают научные, технические, общественно-политические специальные понятия. В. М. Лейчик утверждает, что термин образуется на основе лексической единицы определенного естественного языка, т.е. лексическая единица этого языка является *субстратом* (*substratum*, лат. – основа, подкладка) *термина* [Лейчик 1986: 88]. Признаки термина, которые позволяют ему обозначать специальные понятия, образуют его логический суперстрат. Между ними располагаются *содержательные и формальные признаки* термина, которые образуют его терминологическую сущность. Согласно концепции В. М. Лейчика стоит вопрос о разграничение уровня «лексиса» и уровня «логоса». В ряде высказываний слово «термин» используется так, что подразумевает лишь уровень «логоса», и тогда лексема *общего языка*, приобретающая специальный *понятийный* смысл, превращается тем самым в «термин».

Схематично это можно изобразить с помощью следующей таблички.

Таблица № 1

Термин	Внешняя сторона	Уровень «лексиса»
	Внутренняя сторона	
Терминируемое понятие		Уровень «логоса»

В работах, разграничивающих внутреннюю и внешнюю сторону «лексиса», удаётся сформулировать многие важные

требования к видам соотношения этих сторон с «логосом». Так, желательной бывает мотивированность словарного содержания лексемы содержанием «логоса», причем эта мотивированность должна отражать не только характеристики «логоса» самого по себе, но и некоторые его отношения к другим единицам уровня «логоса» данной терминологии.

Но данное требование относится только к внутренней стороне «лексиса». Внешняя сторона при этом должна удовлетворять таким, например, требованиям, как *краткость*, что не всегда легко согласуется с характеристиками внутренней стороны «лексиса».

Придерживаясь мнения В. М. Лейчика, считаем, что термин представляет собой сложную трехслойную лексическую единицу того или иного ЯСЦ и ее содержательные, формальные или функциональные признаки могут изучаться совместно или отдельно [Лейчик 2007: 31]. При таком понимании языковых аспектов, используя понятие «естественно-языковой субстрат» (по Лейчику), решается традиционный вопрос о языковой природе термина [Моисеев 1970: 134], о сущности термина [Кузькин 1962: 140–141], о специфике термина [Котелова 1970: 123], связанные с лингвистическим подходом. Исходя из анализа лингвистических, семантических, фонетико-грамматических признаков термина В. М. Лейчик предлагает следующее определение термина: *«термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности»* [Лейчик 2007: 35]. В этом определении подчеркиваются следующие важные моменты:

- термины обладают всеми семантическими и формальными признаками слов и словосочетаний естественного языка;

- термины фигурируют как таковые именно в лексике языка для специальных целей, а не в лексике того или иного естественного языка;

- в лексике языка для специальных целей термины служат в качестве средства обозначения специальных общих понятий – результата когниции в специальных сферах знаний и (или) деятельности;

▪ термины представляют собой элементы терминосистем, отражающих (моделирующих) теории, которыми описываются специальные сферы – объекты языка для специальных целей.

Термин как средство обозначения общего специального понятия выполняет определенную роль, которую исследователи называют функцией. Термин как единица лексического уровня языка для специальных целей обладает способностью выполнять такие функции как: а) *коммуникативная функция*, проявляющаяся в передаче информации; б) *когнитивная функция*, проявляющаяся в способности человека к познанию окружающей действительности при помощи языка; в) *информативная функция*, проявляющаяся в способности хранить и передавать накопленный человечеством опыт. В связи с выполнением функций, определяющих термин как лексическую единицу языка для специальных целей, он функционирует в нескольких сферах: в лексико-семантической системе определенного языка своим языковым субстратом; в терминосистеме известной отрасли знания и (или) деятельности, т. е. в том или ином языке для специальных целей; в теории развития и формирования этой отрасли. Во всех этих сферах функции термина различны, но характеризуются процессами взаимовлияния и взаимодействия. Таким образом, можно отметить, что термин является полифункциональной единицей и все его функции необходимо рассматривать во взаимозависимости.

ЛИТЕРАТУРА

Авербух 1986 – *Авербух К. Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. № 6. – С. 38–49.

Авербух 2002 – *Авербух К. Я.* Терминологические аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации в современных условиях. Иваново, 2002, С. 10–12.

Авербух 2004 – *Авербух К. Я.* Общая теория термина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – 251 с.

Гвишиани 1986 – *Гвишиани Н. В.* Язык научного общения: вопросы и методология. Москва: Высшая школа, 1986. – 279 с.

Гвишиани 2008 – *Гвишиани Н. Б.* Язык научного общения: вопросы методологии. Изд. 2-е, испр. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 276 с.

Гринев 1993 – *Гринев С. В.* Введение в терминоведение. Москва: Московский лицей, 1993. – 309 с.

Гринев 2008 – *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2008. – 304 с.

Даниленко 1977 – *Даниленко В. П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977. – 247 с.

Кияк 2009 – *Кияк Т. Р.* Лингвистика профессиональных языков и терминоведение // Терминология и знание: материалы I Междунар. симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.). Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009, С. 21–27.

Комарова 1996 – *Комарова А. И.* Язык для специальных целей (LSP): теория и метод. Москва: МАЛП, 1996. – 194 с.

Котелова 1970 – *Котелова Н. З.* К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва, 1970. – 123 с.

Кудашев 2007 – *Кудашев И. С.* Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Helsinki University Translation Studies, Monographs 3, 2007. – 445 с.

Кузькин 1962 – *Кузькин Н. П.* К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ, N 20, вып. 4. Ленинград, 1962, С.140–141.

Лейчик 1986 – *Лейчик В. М.* О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. Москва: Наука, 1986. Вып. 5, С. 87–98.

Лейчик 2000 – *Лейчик В. М.* Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000, № 2(5), С. 20–30.

Лейчик 2007 – *Лейчик В. М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 3-е, Москва: ЛКИ, 2007. – 256 с.

Лейчик 2012 – *Лейчик В. М.* Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP // Вопросы терминоведения: Научный журнал. Москва: МГПИ, Вып. 1, 2012, С. 94–97.

Манерко 2000 – *Манерко Л. А.* Язык современной техники: Ядро и периферия. Рязань: Изд-во РГПУ, 2000. – 140 с.

Моисеев 1970 – *Моисеев А. И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва: Наука, 1970. с. 134.

Суперанская 2012 – *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология // Вопросы теории. Изд. 6-е Москва: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. – 248 с.

Нина Васильевна Баско
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ТЕНДЕНЦИЯ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ ¹

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших процессов, действующих в современном русском языке, – экономия языковых средств и основные формы проявления этой тенденции. Главная роль в процессе экономии языковых средств принадлежит словообразованию. В статье рассматриваются способы словообразования, в результате которых создаются краткие наименования в современном русском языке: аббревиация, суффиксация, лексическое стяжение. Экономия языковых средств проявляется также и на лексическом уровне в виде лексической синонимии. В современном речевом общении заимствованные из английского языка слова активно вытесняют более длинные по структуре русские наименования.

Ключевые слова: экономия языковых средств, словообразование, аббревиация, суффиксация, лексическое стяжение, неологизм

THE TREND OF ECONOMY OF LANGUAGE MEANS AND THE MAIN WAYS OF ITS MANIFESTATION IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article discusses one of the important processes taking place in modern Russian language, namely, the economy of language means, and the main ways in which it manifests itself. The principal role in this process belongs to the word formation. Different ways of word derivation, leading to creation of short names in modern language, are considered: the abbreviation, suffixation, lexical contraction. The economy of language means manifests itself also at the lexical level as the lexical synonymy. In modern spoken communication, the borrowed from the English words actively displace structurally longer Russian names.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта № 15-34-11114.

Keywords: economy of language means, word-formation, abbreviation, suffixation, lexical contraction, neologism

Наблюдения над активными языковыми процессами, протекающими в современном русском языке в конце XX - начале XXI века, свидетельствуют о том, что русский язык совершает «стремительный виток языковой эволюции». [Скляревская 2001: 177] Бурные языковые изменения вызваны социальными, экономическими и политическими переменами, произошедшими в России, а также вхождением России в глобальную финансово-экономическую и информационную системы. Всё это влияет на ментальность, национальное сознание россиян. По глубокому замечанию академика Л.А. Вербицкой, «язык и национальное сознание неразрывно связаны, и процессы, происходящие в языке, прямо указывают на те изменения, которые происходят в сознании носителей языка. С другой стороны, именно и только через язык возможно формирование и изменение общественного сознания». [Вербицкая 2016: 9]

Среди основных тенденций в развитии русского языка конца XX начала XXI века ученые-лингвисты выделяют такие, как массивированный процесс лексического заимствования из английского языка (его американского варианта), активную неологизацию на исконно русской почве, медиаизацию языка, выражающуюся в сильном влиянии языка массмедиа (прежде всего, языка телевидения) на литературный язык, процесс экономии языковых средств, демократизацию современной русской речи, граничащую с вульгаризацией, ориентацию языка на устные формы общения и другие.

Целью данной статьи является анализ того, как в современном русском языке проявляется усиливающаяся в наше время тенденция экономии языковых средств, каковы конкретные способы выражения этой тенденции и какое влияние эта тенденция оказывает на русский язык в целом. Материалом для анализа послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и данные авторской картотеки лексических и фразеологических неологизмов современного русского языка.

Нам, живущим в современном глобальном мире в эпоху стремительного развития научно-технического прогресса и ускорения ритма жизни в целом, становится чрезвычайно актуальной скорость передачи информации, быстрота установления личных и профессиональных контактов, краткость изложения информации, что резко повышает эффективность результатов во всех сферах деятельности человека. Это достигается с помощью минимизации и компрессии средств языкового общения. Поэтому тенденция экономии языковых средств в максимальной степени соответствует темпам и перспективе развития современного общества в глобальном мире. Важно понимать, что тенденция экономии языковых средств является общезыковой, универсальной, свойственной всем языкам на протяжении их эволюции, но в новейший исторический период в русском языке этот процесс отличается особой интенсивностью. О том, как эта тенденция проявляется в современных славянских языках, можно узнать, прочитав статью профессора Е.М.Марковой [Маркова 2012: 899-904]

Экономия языковых средств – это один из основных, универсальных законов языковой динамики, действующий в различных языках. Он является одним из движущих механизмов эволюции лексиконов современных языков. Этот закон выражается в поиске более экономичной, краткой, компактной формы высказывания. Экономия языковых средств основывается на минимизации, синтаксической компрессии, сжатии многосоставных номинативных единиц в одно слово с целью придания краткости наименованию или высказыванию.

Наблюдения над проявлением тенденция экономии языковых средств в современном русском языке позволяют говорить о том, что она находит выражение, прежде всего, на словообразовательном уровне языка, а также на лексическом языковом уровне. При этом следует подчеркнуть, что огромный массив новой лексики, возникшей в русском языке в соответствии с усилившейся в начале XXI века тенденцией экономии языковых средств, быстро заполняет именно те тематические пространства, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни общества: политическую, финансово-экономическую, социальную сферы.

Обратимся теперь к подробному рассмотрению способов выражения тенденции экономии языковых средств в современном русском языке.

Главная роль в выражении этой тенденции, безусловно, принадлежит словообразованию: в наше время в результате различных словообразовательных процессов возникает большое количество сложносокращённых, кратких наименований. Цель создания кратких наименований – актуализация новых, появившихся недавно в российском обществе понятий, которые оказываются востребованными современным российским обществом. По мнению известного специалиста в области словообразования профессора Е.А. Земской, «современное словообразование, используя морфемный состав языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [Земская 2011: 90]. Важно отметить, что современные словообразовательные процессы, происходящие в современном русском языке, спонтанны, стихийны и неуправляемы. «Здесь действует языковая стихия: новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в периоды «спокойного» языкового развития, а стремительно, одномоментно...» [Скляревская 2001: 179]

Какие же способы словообразования в современном русском языке приводят к появлению кратких, компактных наименований? Анализ данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывает, что «наибольшее количество кратких наименований в современном русском языке возникает с помощью такого способа словообразования, как аббревиация (сложение сокращённых основ), направленного на создание более кратких по сравнению с исходными структурами синонимичных им номинаций». [Баско 2014: 82] При этом наиболее продуктивным типом аббревиации оказывается инициальный тип. В результате него создаются новые сложносокращённые слова инициального типа (буквенного характера), образованные посредством сложения начальных букв производящих слов: *АО* (акционерное общество), *ЗАО* (закрытое акционерное общество), *СНГ* (Содружество независимых государств), *ЕС* (Европейский Союз), *ЕСПЧ* (Европейский Совет по

правам человека), *СПЧ* (Совет по правам человека), *КПРФ* (коммунистическая партия Российской Федерации), *ЛДПР* (либерально-демократическая партия России), *ФСБ* (Федеральная служба безопасности), *МЧС* (Министерство по чрезвычайным ситуациям), *ОМОН* (Отряд мобильный особого назначения), *ФСИН* (Федеральная служба исполнения наказаний), *МВФ* (Международный валютный фонд), *РПЦ* (Российская православная церковь), *ЕГЭ* (единый государственный экзамен), *ТЦ* (торговый центр), *ТРЦ* (торгово-развлекательный центр), *ГИБДД* (государственная инспекция безопасности дорожного движения), *НДС* (налог на добавленную стоимость), *ВПК* (военно-промышленный комплекс), *АПК* (аграрно-промышленный комплекс), *ЕРЦ* (единый расчётный центр), *КС* (Конституционный суд), *КПП* (контрольно-пропускной пункт), *ЖК* (жилой комплекс), *ЧОП* (частное охранное предприятие), *МРОТ* (минимальный размер оплаты труда), *ГКО* (государственные краткосрочные облигации), *ЦКБ* (Центральная клиническая больница), *ДТП* (дорожно-транспортное происшествие), *ПМЖ* (постоянное место жительства), *СКР* (Следственный комитет России), *ОПС* (организованное преступное сообщество), *ГОУ* (государственное образовательное учреждение), *ФИЦ* (Федеральный исследовательский центр) и другие.

Динамичность адаптации недавно появившихся аббревиатур в современном речевом употреблении проявляется в том, что, во-первых, многие из них также вступают в словообразовательный процесс, образуя новые производные слова (*омоновец, омововский, чоповец, ЛДПРовец, фсбшник*), во-вторых, в том, что многие аббревиатуры (прежде всего, названия политических партий), появившиеся в 90-е годы, уже утратили свою актуальность и исчезли из современного речевого употребления (*ГКЧП, НДР, СПС, ДВР*), в-третьих, в изменении семантики некоторых аббревиатур, их стремительной «приспосабливаемости» к существующей реальности. Например, первоначально *ОМОНОм* называли «Отряд милиции особого назначения», после замены в России милиции полицией (2008 г.) *ОМОН* стал расшифровываться как «Отряд мобильный особого назначения» – специальные подразделения

полиции, привлекаемые для решения задач обеспечения правопорядка и безопасности.

Высокую активность в современном русском языке показывает также слоговой тип аббревиации, при котором сложносокращенные слова образуются с помощью сложения начальных частей производящих основ: «ЕдРо́» (партия «Еди́ная Росси́я»), *Совбе́з* (*Совет безопа́сности*), *полпрéд* (*полнопра́вный предста́витель*), *деморóсс* (сторонник движения «Демократи́ческая Росси́я»), *единоро́сс* (член партии «Еди́ная Росси́я»), *справедливорóсс* (член партии «Справедли́вая Росси́я»), *копрома́т* (*копромети́рующие материáлы*), *спецна́з* (войска *специáльного назначе́ния*), *сисли́бы* (*систе́мные либера́лы*) или с помощью сложения начальных и конечных частей производящих основ: *руне́т* (*русскоязы́чный интерне́т*), *банкома́т* (*ба́нковский автома́т*).

«Встречается также одно новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения иноязычной лексики русским языком – комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (*IBM-совместимый, PR-акция, PR-бизнес, PR-менеджер, VIP-клиент, VIP-номер, VIP-мероприятие, Web-сайт, WEB-страница, Web-сервер*), а также некоторых слов, образованных от иноязычного слова по словообразовательной модели русского языка (*PRщик, VIPовский* и т. п.). Этот лексический материал чрезвычайно важен для лингвистической науки и для современного языкового сознания, так как дает возможность «схватить» момент соприкосновения двух разноязычных систем и зафиксировать самый первый шаг на пути процесса заимствования слова». [Скляревская 2001: 178]

Наряду с аббревиацией буквенного и слогового типов продуктивность в наше время демонстрирует также тип аббревиации, в результате которого образуются сложносокращенные слова, состоящие из начальной части первого компонента словосочетания и целого второго компонента: *росгва́рдия* (Российская гвардия), *политкорре́ктность* (политическая корректность), *загранту́р* (заграничный тур), *профнеприго́дность* (профессиональная непригодность), *профза́нятость* (профессиональная занятость), *профориента́ция* (профессиональная ориентация), *спортко́мплекс*

(спортивный комплекс). При этом компоненты, входящие в состав сложного производного слова, объединяются без соединительного гласного, *арткафе́* (артистическое кафе), *промзона́* (промышленная зона), *стройплощадка́* (строительная площадка). По мнению академика Н.М.Шанского, «такого рода слова занимают промежуточное положение между собственно сложными словами и словами сложносокращенными. Исходный материал, на базе которого они образуются, ограничен пределами словосочетаний из прилагательного (очень редко причастия) и существительного и отражается в производном слове однотипно: прилагательное – в сокращенном виде, а существительное – в полном». [Шанский 1964: 279]

Среди имеющихся в нашей картотеке неологизмов-существительных, образованных на базе атрибутивных словосочетаний (прилагательное + существительное) путем усечения производящей основы прилагательного и полного отсутствия второго компонента (существительного), мы обнаружили такие, как *нелегал* (от *нелегальный иммигрант*), *экстрим* (от *экстремальный спорт*), *офшор* (от *офшорная зона*).

В полной мере отвечает тенденции экономии языковых средств и такой тип аббревиации, действующий в сфере имен существительных, как образование сокращенных слов с помощью усечения производящей основы вне зависимости от границы морфем. Причем, он касается как нарицательных существительных с предметным значением, так и имен собственных. В качестве примера нарицательных существительных можно привести такие лексические неологизмы новейшего времени, как *объява* (от *объявление*), *профи* (от *профессионал*), *комп* (от *компьютер*), *мульти* (от *мультфильм*), *дэза* (от *дезинформация*), *универ* (от *университет*), *коммент* (от *комментарий*), *баскет* (от *баскетбол*), *коммент* (от *комментарий*), *фан* (от *фанат*). В качестве примера нарицательных существительных можно назвать следующие неологизмы: «*Сбер*» (от «*Сбербанк*», название банка), «*Коммерс*» (от «*Коммерсантъ*», название газеты), *мерс* (от «*Мерседес*», название марки автомобиля), *калши* (от «*калшиников*», название автомата – военного оружия популярной марки). Также наблюдается активное использование

бессуффиксного способа образования существительных с собирательным значением, обозначающих лиц и предметы: *абиту́ра* (от *абитуриэ́нты*), *лими́та* (от *лими́тки*), *шиза́* (*грубо-прост.* от *шизофре́ники*), *наркота́* (от *наркоти́ки*), *нал* (от *нали́чные*), *безна́л* (от *безнали́чные*). В результате этих словообразовательных процессов в современном русском языке образуются краткие слова – синонимы более длинных слов, как правило, ограниченные функционированием в разговорной речи и в молодёжном жаргоне.

Тенденция экономии языковых средств находит яркое выражение также в образовании новых производных существительных на основе лексического стяжения атрибутивных словосочетаний (прилагательное + существительное) и суффикса -*к(а)*, который присоединяется к основе имени прилагательного: *социа́лка* (от *социа́льная сфе́ра*), *санкцио́нка* (от *санкцио́нные проду́кты*), *оборо́нка* (от *оборо́нная промышле́нность*), *нефтя́нка* (от *нефтяна́я промышле́нность*), *офио́рка* (от *офио́рная зо́на*), *коммуна́лка* (от *коммуна́льная систе́ма*), *духо́вка* (*жарг.* от *духо́вная сфе́ра*) и др. Новые слова оказываются более краткими по структуре, а значит и более предпочтительными в речевом употреблении.

Как известно, суффиксация является регулярным и продуктивным способом словообразования в русском языке, включая и новейший период. С помощью суффиксального способа в наше время образуются новые краткие наименования, образованные на основе лексического стяжения атрибутивных словосочетаний с суффиксами -*ик-*, -*ок-* и -*ух-*, которые также подтверждают усиление тенденции экономии языковых средств: *моби́льник* (мобильный телефон), *сидю́шник* (CD-плеер), *ужа́стик* (фильм ужасов), *налогови́к* (налоговый инспектор), *Сово́к* (*ирон.* Советский Союз), *порну́ха* (порнографический фильм), *заказу́ха* (заказная статья), *бытову́ха* (преступление на бытовой почве), *желту́ха* (жёлтая пресса), *движу́ха* (протестное движение). Хотя большая часть новообразований этого типа употребляется в разговорной речи или в молодёжном жаргоне [Бельчиков 2008: 31], однако широкое распространение новой лексики через массмедиа (прежде всего, через телевизионные молодёжные телеканалы) создаёт предпосылки для стремительного вхождения новой жаргонной лексики в

общелитературный язык, в его разговорный вариант сниженного регистра. Такие слова осваиваются современной молодежью настолько быстро, что становятся характерной приметой современной русской речи и даже культивируют своеобразную «моду» в среде городской молодёжи, отражая, по яркому выражению академика В.Г.Костомарова, «языковой вкус эпохи» [Костомаров 1999].

Тенденция экономии языковых средств реализуется в современном русском языке не только с помощью словообразовательных средств (хотя словообразовательные процессы оказываются доминирующими), она проявляется также и в другой форме – на лексическом уровне и связана с заимствованной лексикой последних десятилетий.

Наблюдения над современным речевым употреблением носителей русского языка показывают, что заимствования из английского языка (обычно из его американского варианта), часто являясь компактной номинацией длинных аналитических наименований русского языка, становятся их краткими лексическими синонимами и активно вытесняют русские наименования в современном речевом общении. Иначе говоря, в соответствии с усилением тенденции экономии языковых средств английские наименования оказываются более предпочтительными в речи носителей русского языка. Это касается как слов терминологического характера, например, функционирующих в политическом дискурсе, так и наименований, касающихся обыденной сферы общения. Например, в российском политическом дискурсе чрезвычайно употребительны такие иноязычные заимствования, как *спікер* вместо *председатель парламента*, *омбудсмен* вместо *уполномоченный по правам человека*, *саммит* вместо *встреча на высшем уровне*, *имиджмейкер* вместо *создатель имиджа*, *гастарбайтер* вместо *рабочий-иммигрант*. В современном речевом обиходе русские люди (прежде всего, городское образованное население) чаще используют иноязычные слова: *прінтер* вместо *печатающее устройство*, *ресепшн* (или *ресепшен*) вместо *место регистрации* (в гостинице или на конференции), *шопинг* (или *шоппинг*) вместо *поход за покупками*,

уикéнд вместо *выходные дни*, *три́ллер* вместо *приключéнный фильм*, *да́йвинг* вместо *подвóдное плáвание* и др.

Следует отметить, что массированный характер заимствований, их интенсивность и быстрота адаптации в русском языке, способность иноязычных слов вытеснять русские синонимичные аналитические названия нередко вызывает негативную реакцию со стороны некоторых ученых-лингвистов, специалистов по культуре речи, преподавателей, переводчиков. Вызывает критику специалистов-филологов и рядовых носителей языка также явная избыточность аббревиатур, появившихся в русском языке в последние два десятилетия. К тому же многие возникающие в наше время аббревиатуры чрезвычайно затруднительны для понимания даже для носителей русского языка (не говоря уже об иностранцах!), они с трудом поддаются расшифровке даже в контекстном употреблении, оставаясь неразгаданной загадкой для многих россиян. Это нарушает сложившееся веками равновесие в языке, создавая опасность сокрытия смысла в погоне за краткой формой выражения.

Подводя итоги наблюдениям над различными формами проявления тенденции экономии языковых средств в русском языке новейшего времени, можно сделать следующие выводы. В наибольшей степени тенденция экономии языковых средств находит выражение в образовании новых, кратких по своей структуре наименований, образованных с помощью таких способов словообразования, как аббревиация и суффиксация, с помощью лексического стяжения словосочетаний в одно слово, усечений конца слова, и других процессов, основанных на минимизации, компрессии синтаксических структур. Она выражается также в предпочтительном использовании заимствованных слов вместо синонимичных им по значению, но более длинных по структуре аналитических наименований русского языка. Российские средства массовой информации являются не только той языковой средой, где происходит первая «официальная» фиксация нового слова, но и распространителем, популяризатором новых, более кратких по структуре наименований.

ЛИТЕРАТУРА

Баско 2014 – *Баско Н.В.* Активные словообразовательные процессы в русском языке новейшего времени. // Вопросы филологии, № 3-4 (48), 2014, с.79-87.

Бельчиков 2008 – *Бельчиков Ю.А.* Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 424 с.

Вербицкая 2016 – *Вербицкая Л.А.* // «Болгарская русистика», № 2, София, 2016, с. 9-17.

Земская 2011 – *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. Изд. 3-е. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 324 с.

Костомаров 1999 – *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 280 с.

Маркова 2012 – *Маркова Е.М.* Основные тенденции в лексике современных славянских языков. // В сб.: Доклады V Международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». – Варшава, 2012, с. 899-904.

Скляревская 2001 – *Скляревская Г.Н.* Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001, с. 177-202.

Шанский 1968 – *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: Издательство Московского университета, 1968. – 310 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Йосиф Наумович Мороз
БАН
София, Болгария

МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ РАЗБОЙНИКОМ ГЕРОЯ СКАЗКИ А.С.ПУШКИНА «ЖЕНИХ»?

Аннотация: В статье рассматривается не только сказка Пушкина не как самоцельное произведение, а осмысляются инварианты предлагаемого сюжета. Расширена методология: вводятся сравнения со сказками братьев Гримм и с различными фольклорными нарративами и сюжетами. Высказано оригинальное предположение, согласно которому герой Пушкина является не разбойником в тривиальном смысле слова, а может быть определен как демонический персонаж, связанный с фольклором и с магией.

Ключевые слова: фольклор, разбойник, сказки, песни

Jozef Naumowich Moroz
BAN
Sofia, Bulgaria

CAN WE CALL HERO PUSHKIN'S FAIRY TALES «GROOM» ROGUE?

Abstract: The article deals with not only the tale of Pushkin, not as an end in itself work and comprehended invariants proposed plot. Extended methodology: introduce comparison with tales of the Brothers Grimm and various folk narratives and stories. It expressed the original hypothesis, according to which the hero of Pushkin is not a thief in the trivial sense of the word, and can be defined as a demonic character associated with folklore and magic.

Keywords: folklore, robber, fairy tales, songs

Одним из самых значительных образцов произведений А.Пушкина в народном русском духе может быть признано стихотворение «Жених», написанное в: Михайловский период, в

1825 г. Стихотворение создано в жанре баллады, но Пушкин дал ему подзаголовок «Простонародная сказка». В основе стихотворения «Жених» заложен весьма распространенный народно-сказочный сюжет, широко известный из фольклора многих народов Европы. Однако дело здесь не столько в сюжете самом по себе, сколько в инвариантной его основе и специфике разработки данного сюжета Пушкиным. По поводу пушкинской разработки В. Г. Белинский восторженно и даже, пожалуй, с некоторым преувеличением, восклицал: «В народных русских песнях, вместе взятых, не больше русской народности, сколько заключено ее в этой балладе!», что не помешало ему в другом месте отзываться о сказках Пушкина по-иному и называть их «плодом довольно ложного стремления к народности». Действительно бытовая и психологическая атмосфера произведения, образы Наташи, отца, свахи, наконец язык пушкинской «простонародной сказки» – все это насквозь русское, народное. Все это делает «Жениха» произведением не только весьма значительным, но и представляющим некое новое и важное звено в дальнейшем творчестве Пушкина. Недаром некоторые мотивы «Жениха» будут развиты поэтом в знаменитом «Сне Татьяны» – эпизоде романа «Евгений Онегин», больше всего связанном с народной мифологией, обрядами и поэзией, в незаконченной драме «Русалка» и т.д.

Прежде всего следует сказать, что ранее при анализе «Жениха» главное внимание обращалось на происхождение сказки, прослеживание параллелей ее сюжета в сравнительно типологическом аспекте и гораздо меньше внимания уделялось семантике личности, поведению персонажей, и прежде всего самой девушки и жениха.

Некоторые ученые - компаративисты утверждали, что пушкинский «Жених» представляет собой близкое переложение сказки братьев Гримм «Жених-разбойник». С таким узким пониманием влияния на поэта подобного сюжета трудно согласиться. Еще Н.Сумцов, привлекая значительное количество вариантов этой сказки, установил тесную связь пушкинской баллады с народным творчеством славян и других народов. Кроме отчетливой древности этого сюжета (resp. Девушку, приведенную разбойниками в свой

вертеп, ее зловещий сон и побег в «Золотом осле» Апулея), следует иметь в виду конвергентность происхождения подобных сюжетов, и Арина Родионовна, которая по праву считается одной из вдохновительниц этой сказки Пушкина, вряд ли читала братьев Гримм или «Тысячу и одну ночь». Помимо того, работать над «Женихом» Пушкин начал в конце 1824 г., т.е. как раз тогда, когда был погружен в мир русского народного творчества, в полной силе раскрывшийся перед ним, когда он слушал и записывал сказки и народные песни своей няни. На этой-то почве, по всей вероятности, и возник замысел пушкинского «Жениха».

Сохранилось много рассказов и воспоминаний современников о том, как великий поэт любил по праздникам вмешиваться в ярмарочную толпу, прислушиваться к пению нищих слепцов, к оживленной и образной народной речи. Часто останавливался около нищих, тянувших «Лазаря», или про »Алексию божиего человека», посещал местные праздники, где парни и девушки водили хоровод, плясали и развлекались различными играми. Пушкин любил ходить на кладбище, когда там «голосили» над могилами бабы, и прислушиваться к их причитаниям, сидя на какой-нибудь могиле.

Следует отметить, что в большинстве вариантов сказок, подобных «Жениху», говорится о взаимоотношениях девицы и разбойников, причем в ситуациях самых разнообразных, где подчас главные действующие лица меняются местами, и иногда кровавыми вершителями судеб выступают девицы. Нередко в фабулах сказок определенные нюансы в описаниях действий героини определяют ряд деталей, четко указывающих на древнее мифологическое их происхождение, особенно, когда речь заходит о сценах расчленения, варки и поедания приведенной на заклятие девицы, отрубания руки, пальца, потери кольца, а также убийства главной героиней семи или двенадцати разбойников. Постоянное акцентирование чудесной силы девицы, предвидение ею грядущих событий, как правило, через сновидения, также указывают на мифологический субстрат в образах как самой девицы так и разбойников. Кроме того, очень часто в сказках, как и в мифе, сон обозначает путешествие в другой мир, где героя ждут встречи с демоническими персонажами, олицетворяющими смерть.

Вот начало «Жениха» Пушкина:

Три дня купеческая дочь

Наташа пропадала

Она на двор на третью ночь

Без памяти вбежала...

Обыкновенно в сказках, девушка, спасшись от разбойников, рассказывает родителям или подругам о том, что ей пришлось пережить. У Пушкина же подчеркивается, что сколько ее родители ни забрасывали ее вопросами, девушка молчала. В отличие от схожего приключения Татьяны во сне в «Евгении Онегине» поэт подчеркивает, что Наташа не хочет или не может вспомнить, где она пропадала, но, сравнивая сказку с другими ее европейскими вариантами, можно предположить, что она попала каким-то образом в пещеру или в лес, оказавшись в гуще которого, очутилась в неизвестном доме. Онтологическую основу подобной мифологемы следует видеть в широко распространенных сюжетах типа «Белоснежки» или «Мертвой царевны». У Пушкина, в частности, вместо разбойников выступают богатыри или гномы, т.е. духи леса. В болгарской сказке «Сестра и брат у разбойников» в результате погони сестра и брат, превратившийся в оленя, попадают в дом, где живут сорок разбойников. Девушка стала им сестрой. Во время охоты царевич хотел убить оленя, но сказал, что царевич будет сожалеть, ибо он брат Марийки, сестры разбойников. Они согласны выдать ее замуж за царевича. Но сестра укололась какой-то колючкой и умерла. Разбойники кладут умершую в гроб. Царевич, трогает *ее за ногу*, снимает чулок, и колючка падает. Еще В. Пропп, разрабатывающий подобную интригу, показал, что здесь речь может идти об определенных обрядах инициации юношей, когда в их мужской дом проникает девушка, становящаяся им сестрой, любовницей или матерью.

Так и в нашем случае, можно предположить, что Наташа не была похищена разбойниками, но каким-то способом (возможно, что-то выпив, натершись каким-то снадобьем или во время сновидения) оказалась в доме, где невольно стала свидетельницей обрядовой смерти, расчленения, пиршества. Здесь следует отметить, что в древних представлениях персонаж с какой-либо телесной аномалией

имел преимущественную возможность связи с потусторонними силами, подобными человеку обликом, но с рядом отличительных черт – огромный или низкий рост, несколько голов, однорукость или многорукость и т.д. Причем, если для исполнения ритуально - магического действия не находили человека с врожденной аномалией тела, операция производилась тут же. Намеренное увечье наносилось как с намерением облегчить ему переход из мира живых в мир мертвых, так и лишить его возможности возвращения на землю. Кроме того отделение конечностей или головы у мертвых предохраняет живых от «вампиризации» покойника, отличающегося при жизни какими-то качествами чаще отрицательного свойства.

Как правило, в рассматриваемых сюжетах пиршеству предшествовало убийство приведенной девушки, ее расчленение, иногда варка тела, и нередко как конечная цель всего действия - отрезание руки или пальца, на котором было кольцо. В сказке Н.Зеленина «Про Елену Красоту, золотую косу» отец запер ее в спальне и никому не показывал. Далее следует мотив Белоснежки. Надев врученное враждебным персонажем кольцо, она умирает. Кольцо не догадались снять все 25 разойников, среди которых она жила, и покончивших самоубийством у ее гроба. Здесь явен элемент жертвоприношения, где кольцо выступает символом, фиксирующим различные состояния жизни и смерти. Ведь главной уликой обвинения душегубов в большинстве вариантов служат отрубленные рука или палец с кольцом на нем. К подобным сюжетам очевидно можно отнести и древние библейские предания об усохшей руке царя Иеровоама, о псах, расчленивших тело царицы Иезавели или, например, христианское предание об апостоле Фоме. На собрании пирующих он обратился с увещеваниями к ним умерить свои возлияния, но был ударен одним слугой. Апостол ответил: «Руку ударившую я увижу псом влекомую». Так и случилось: на слугу напал пес, умертвил, затем отгрыз руку и принес ее на пир. К схожим мотивам относятся такие баллады русской эпической поэзии как, например, «Жена мужа зарезала» или «Князь Роман жену терял», где волки приносят дочери руку матери с кольцом на пальце и т.д. В данном же случае следует предположить, что приведенная разбойниками девушка, обладающая чудесным трудно снимающимся

с пальца кольцом, может рассматриваться как двойник или субститут первоначального образа героини (мотив часто встречающийся в мифологии и фольклоре), к которой это кольцо и попадает, и при помощи которого она изобличает злодеев. Но здесь надо иметь ввиду, что расчленение не означает смерть физическую, окончательную, а имеется в виду смерть - переход или смерть – трансформация, переход в принципиально новое качество или образ. По–видимому так и следует понимать семантику дробления человеческого тела. В чем же магическая сила отрезанной руки, пальца или кольца на нем? Сорванное с мертвого пальца кольцо чудесным образом закатывается на то место, где скрывается героиня. Разбойники, так дорожившие этим кольцом, не только не делают попытки его искать, но и не могут, хотя оно по идее символизирует власть, богатство, силу и сакральное закрытое пространство, где заключена женская энергия, куда собирается проникнуть мужской персонаж. В известной мере здесь символика кольца переплетается с символикой круга в плане апотропейной силы, божественного покровительства, вечности и преемственности.

В некоторых странах Европы было известно суеверие, согласно которому отрезанные у покойников, умерших не своей смертью, пальцы на руках и ногах, приносили удачу в различного рода предприятиях. Г. Гейне в своих «Мемуарах» писал об одной знакомой колдунье – вдове палача, продававшей пальцы повешенных воров. Главными покупателями были содержатели пивных, уверявшие, что если опустить в бочку с пивом палец повешенного, особенно невинного, то пиво в бочке делается вкуснее и его становится вчетверо больше. Кроме того, в средневековой Европе верили, что рука повешенного имела свойство усыплять. Если в такую руку, как в подсвечник, вставляли зажженную свечу, сделанную также из жира повешенного, то все, кто видел эту руку, не мог пошевелиться, или она делала ее обладателя невидимым. В одной сказке рассматриваемого типа рассказывается о семи разбойниках, запертых в чулане. При отлучке родителей девушка в присутствии подруг открыла его и невольно выпустила разбойников. Они умертвили семь девиц, прикоснувшись к ним мертвой рукой.

Героиня спряталась, затем воспользовавшись мертвой же рукой, оживила подруг. Затем действие разворачивается как в «Женихе»

Далее в большинстве вариантов следует бегство героини из мрачного дома в лесу, погоня, причем девица, спасаясь от разбойников, прячется на дереве или, переодеваясь в свою одежду, наряжает пень или сноп. Сложность символики скрывания и раздевания ее на дереве, как и одевание пня или снопа в свою одежду, указывает на главные инвариантные корни сюжета: жизнь-смерть-жизнь, где структурообразующими коррелятами выступают обнаженная девушка на дереве и одетые в ее одежду пень или сноп. Для того, чтобы нагляднее уяснить смысл мифологических образов, полезно проделывать с ними обратную операцию, т.е. либо редуцировать, либо расширить их вплоть до исходного тождества; например, если героиню ранят, отрезают палец, это надо понимать как ослабленное убийство; если она раздевается или переодевается в чужую одежду, ее следует отождествлять с местом, где происходят или должны происходить события, с владельцем различных атрибутов (одежды, кольца и т.д.).

Поскольку функциональные отношения девушки и дерева широко известны в мифологиях многих народов мира, необходимо более подробно остановиться на символике пня. У болгар, например, в сочельник кладут в жар пень называемый «бъдник», выбираемый обыкновенно от дерева дающего много плодов. Его, после ряда церемоний, одевают в мужскую или женскую рубашку, и если пень сгорит до утра, считается, что наступающий год будет урожайным. Таким образом, пень как *pars pro toto* древа жизни, в нашем случае, является классификатором состояния героини в ее отношениях с духами природы.

Необходимо сказать что, Пушкин нигде не называет жениха разбойником, вампиром или упырем, хотя в некоторых вариантах сказок, например в греческом, жених героини превратился в упыря и пожирал трупы.

Так же обстоит дело и в русской сказке «Упырь», приводимой А.Афанасьевым (АТ 363), где жених глодал в церкви труп. Но в некоторых вариантах сказок типа «Бесстрашный» (АТ 326) герой-жених попадает в дом к разбойникам, которые ели рыбу. «Плоха

ваша рыба» – сказал он и предложил своему работнику принести с повозки, стоящей во дворе, мертвеца, которого снял с дерева. Бросив на стол труп, начал ножом кромсать, отрезал кусок, понюхал и сказал работнику: «Нет, нехороша эта белужина. Лови живых». Разбойники разбежались, от же лег спать на могиле, где вскоре начал бороться с мертвецом, который, будучи побежденным, доставил ему царевну. И здесь жених не разбойник, но занимается разделкой трупа и имеет прямые сношения с мертвецами.

Теперь, чтобы возможно правильнее понять задумку поэта, обратимся за примером к эпизоду с Татьяной из «Евгения Онегина». В разговоре Татьяны с няней:

Поговорим о старине.

- О. чем же Таня? Я бывало,
- Хранила в памяти немало
- Старинных былей, небылиц
- *Про злых духов и девиц;*

Татьяна вынула колечко под песенку старинных дней:

Там мужички- то все богаты,
Гребут лопатой серебро
Кому поем, тому добро
И слава! Но сулит утраты
Сей песни жалостный мотив.

Эта песня косвенно указывает на какой-то мрачный дом, где скрываются мужики, гребущие серебро лопатой (понимай разбойники – Й.М.), а упоминаемые утраты и жалостный мотив означают смерть.

И наконец припомним сон Татьяны. В густом лесу она также невольно раздевается:

То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок...

В шалаше убогом:

Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой
Другой с петушьей головой
Здесь ведьмы с козьей бородой,
тут остов чопорный и гордый.
Там карла с хвостиком и т.д.

Здесь нет и намека на присутствие разбойников, но введенные образы, сидящие за столом, однозначно дефинируют свою демоническую сущность и готовность к принесению жертвы. Таким образом, вышесказанное позволяет предположить, что жених в сказке Пушкина не был разбойником в тривиальном значении этого ремесла; он может быть назван демоном вроде оборотня или упыря, - персонажей, часто встречающихся в славянском фольклоре и литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- Пушкин 1953 - Пушкин А. Сказки, Ленинград.
Сумцов 1897 - Сумцов Н. Этюды об А.С. Пушкине. Варшава.
История русской славесности-Спб.1907.
Пропп 1946 – Пропп В.Исторические корни волшебной сказки. Ленинград.
Зеленин 1914 – Зеленин Д. Великорусские сказки Пермской губернии, Спб.
Великие Минеи четии. СПб. 1874.
Галайда 1975 – Галайда Э. Сказки Пушкина, В: Acta philosophiae universitatis Safaricanae, Bratislava.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Анастасия Владимировна Вавулина,
Наталья Зиновьевна Кольцова
МГУ им. М.В.Ломоносова
Москва, Россия

ИСТОРИЯ ВНУТРИКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Аннотация. В работе рассматривается история бытования прецедентного феномена «маленький человек» с момента появления по

настоящее время. Анализ предпринят в целях выяснения семантической наполненности понятия в разные эпохи с точки зрения массового восприятия носителями языка.

Ключевые слова: мифологема, культурема, идеологема, «обыкновенный человек»

Anastasia Vladimirovna Vavulina, Natalia Zinovievna Koltsova
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

THE INNER CULTURAL ADAPTATION OF PRECEDENT PHENOMEN «AN ORDINARY MAN»

Abstract. This work deals with the history of existing of precedent phenomenon “an ordinary man» since the time it occurred till present. The analysis is made in order to find out the semantic fullness of the conception in different ages from the point of view of the native speakers’ mass perception.

Keywords. mythologeme, kulturema, ideologem "ordinary person"

Несколько лет назад авторы данной статьи выдвинули идею о необходимости создания лингвокультурного словаря литературных прецедентных феноменов, поскольку были убеждены в существовании некоего тезауруса – своеобразного ядра, вокруг которого складывается целостная языковая картина русского мира. Как утверждается в статье, основу данного тезауруса составляют следующие феномены: *«Имена»*, *«Топонимы-символы»*, *«Прецедентные высказывания»*, *«Прецедентные тексты»* [Вавулина, Кольцова 2011].

Однако за прошедшие несколько лет картина мира изменилась настолько, что современные исследователи не просто сомневаются в существовании некоего общего для всех носителей языка лингвокультурного кода, но и констатируют распад привычных коммуникативных связей, обеспечивающих взаимопонимание между различными слоями населения и даже больше того – между разными поколениями. Так, по мнению М.Кронгауза, сегодня уже не существует единого культурного пространства.

Казалось бы, состояние современной культуры только подтверждает слова исследователя. Современному человеку уже

сложно поверить в литературоцентричность отечественной культуры, очевидно ориентированной на массового потребителя, жаждущего зрелищ. Кажется, место романов сегодня заняли сериалы. И если в XIX веке, по словам О.Мандельштама, именно роман «*воспитывал целые поколения, он был эпидемией, общественной модой, школой и религией*», благодаря чему и «*происходило массовое самоопознание современников, глядевших в зеркало романа, и массовое подражание, приспособление современников к типическим организациям романа*» [Мандельштам 2001], то сегодня скорее кинематограф диктует обществу те или иные модели поведения.

Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что синкретизм, о котором мечтали писатели, художники, музыканты начала XX века (А.Белый, Вяч.Иванов, А.Скрябин, М.Чюрленис и др.) в начале XXI века стал данностью: слово – благодаря рекламе, телевидению, кинематографу – живет в сознании современного человека чаще всего в неразрывной связи с видео- и звукорядом. И тем не менее слово не собирается сдавать свои лидирующие позиции. В условиях если не конкуренции, то взаимного существования с другими явлениями масс-медиа оно вынуждено становиться более сильным, емким, энергичным – и прежде всего за счет стремления к лаконичности. Афористичность сегодня как никогда в чести: ценность произведения (собственно литературного текста или киноленты, рекламного ролика и пр.) определяется тем, что во времена Ларошфуко или О.Уайльда ассоциировалось с «*un mot*». Безусловно, такое выдвижение на передний план слова как слогана ведет к утрате вкуса к неспешному, размеренному чтению, но, в то же время не позволяет говорить и о потере значимости слова. Пожалуй, сегодня именно слово, а точнее – фразеологизм является наиболее опознаваемым, а потому и наиболее востребованным из литературных прецедентных феноменов.

Думается, особое место среди «прецедентных» фразеологизмов занимают те, которые введены для обозначения литературных психотипов: *лишний человек*, *маленький человек*, *простой человек*, *тургеневская барышня*. На наш взгляд, в СМИ наиболее часто упоминается прецедентный феномен *маленький человек*, имеющий сложную историю. Сегодня, думается, происходит второе рождение

термина. Несмотря на кажущуюся прозрачность фразеологизма, а также заимствование самого понятия европейской литературой, в частности немецкой, все же, как нам представляется, адекватное восприятие понятия может вызвать ряд трудностей у инофонов. Во-первых, будучи исторически подвижным – в силу того или иного общественно-нравственного наполнения – прецедентный феномен становится своеобразным оселком эпохи: восприятие понятия массовым сознанием меняется каждое десятилетие. В этом виновата русская история с её динамикой, напряженным ритмом. Иностранцы учащиеся продвинутого уровня обучения (2-4 сертификационные уровни), работающие с материалами XIX-XX веков, должны сознавать эти изменения при осмыслении феномена. Кроме того, сегодняшнее восприятие понятия во многом опосредовано исторической эволюцией, которую оно претерпело. Её понимание позволит точнее вычленить именно актуальное значение феномена, понять, что такое *маленький человек* в России XXI века. Таким образом, для решения трудностей, связанных с точным осмыслением прецедентного феномена «*маленький человек*», необходимо проследить историю понятия в русской литературе. Ключевым источником для воссоздания культурного контекста бытования прецедентного феномена в XIX- начале XX века является, на наш взгляд, литература. Это обусловлено литературоцентричностью русской культуры этого периода истории.

Принято считать, что в литературный обиход словосочетание *маленький человек* ввел в употребление В.Г.Белинский в статье 1840 года «Горе от ума» для обозначения человека «частного», «простого». XIX век прежде всего противопоставляет «*маленького человека*», или «*ничтожного героя*», человеку «*блестящему*», «*эпическому*», или «*высокому*» герою. Если сентиментализм с его идеей внесловной ценности человека ввел в литературу тему сочувствия человеку «*частному*», «*домашнему*», то классицизм – с его ключевой идеей государственности – подготовил и столь важный для реалистической традиции XIX и XX вв. конфликт человека и государства.

У каждого носителя языка, знакомого со школьной программой, *маленький человек* ассоциируется прежде всего с текстами

Н.В.Гоголя (образ Акакия Акакиевича), Ф.М.Достоевского (образ Макара Девушкина) и – реже – А.С.Пушкина (образ Самсона Вырина, героя повести «Станционный смотритель», образ Евгения, героя поэмы «Медный всадник»), А.П.Чехова (образ Червякова, героя рассказа «Смерть чиновника»).

Смысловое ядро концепта заключается в следующем: *маленький человек* несет на себе непосильное бремя жизненных испытаний и невзгод, находясь в зависимости от власти имущих и безличной бюрократической системы. Для автора он является носителем человеческого начала, и уже в силу этого вызывает сочувствие.

Однако смирение маленького человека перед равнодушным обществом и жестоким городом не беспредельно и может обернуться ропотом и даже бунтом: после смерти Акакия Акакиевича его фантастический «двойник» мстит своему обидчику – и в его лице – власти. Ропот и гнев слышатся в просторечном «*Ужо тебе!*», брошенном бедным Евгением Медному всаднику.

Следует подчеркнуть, что образ маленького человека амбивалентен. Так, уже Гоголь балансирует на грани сочувствия и насмешки, рисуя Акакия Акакиевича Башмачкина, в котором скудоумие и отсутствие высоких духовных запросов уживаются с кротостью и смирением, ассоциирующимися с юродством.

Эволюция понятия «*маленький человек*» во второй половине XIX в. в основном сопряжена со смещением акцентов в авторской позиции: с тем, что именно – насмешка или сопереживание, выходит на передний план. Достоевский, развивая гоголевскую тему в «Бедных людях», вызывает прежде всего к читательскому сочувствию, тогда как Чехов заостряет жалкое и комическое в образе «*маленького человека*», иронизируя над отсутствием чувства собственного достоинства у чиновника с говорящей фамилией «Червяков».

Еще более непримиримую позицию в отношении маленького человека занимает М.Горький. В «Заметках о мещанстве» с позиций писателя-бунтаря он обличает все то, что враждебно пафосу борьбы, – апатию, косность, смирение, и видит зло не только в социальном устройстве, угнетающем маленького человека, но и в самом маленьком человеке – забитом и пассивном. В горьковской системе

ценностей такие категории, как *«маленький человек»* и обыватель, или представитель «мещанства», сближаются, поскольку *мещанство*, по Горькому, – это *«строй души»*, для которой характерны *«уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя»*. Все новое и неизведанное пугает представителя мещанства, так как несет в себе угрозу его *«пассивной позиции в битве жизни»* [Горький 1905].

И.А.Бунин в «Окаянных днях», напротив, заступает за «испуганных обывателей», над которыми глумятся «революционеры»: *«Да и кто, собственно, эти обыватели, «благополучные мещане»? И о ком и о чем заботятся, вообще, революционеры, если они так презирают среднего человека и его благополучие?»* [Бунин 1918].

В советской литературе *маленький человек* мог не только героизироваться, но и подвергаться осмеянию, мог становиться объектом сатиры, непревзойденным мастером которой был М.Зощенко. М.Зощенко, как и М.Булгаков и В.Маяковский, видит в *маленьком человеке* прежде всего обывателя с убогой житейской философией. Следует отметить, что мотив мещанского счастья восходит к пушкинскому «Медному всаднику», в котором образ «бедного Евгения» очерчен в соответствии с традицией «бидермайера», или мещанской идиллии. Советский мещанин – антигерой таких произведений, как «Аристократка» Зощенко, «О дряни» Маяковского и пр.

В послевоенной литературе *маленький человек* становится эквивалентом «простого советского человека». Именно трагедия Великой отечественной войны подготовила возвращение *маленького человека* в литературу (это и т.н. «лейтенантская проза», произведения В.Некрасова, Ю.Бондарева, Г.Бакланова, и стихи поэтов-фронтовиков – К.Симонова, М.Исаковского, А.Суркова, а также произведения М.Шолохова и А.Солженицына).

Ядро культуры 60-тых составляет культура интеллигенции. Это мир романтиков-антиобывателей. Герой эпохи в рамках этой культуры – физик-лирик, студент-инженер-учитель в свободное время превращающийся в аквалангиста-путешественника. Маленькому человеку с его обыденными чаяниями и горестями и

противостоянием системе нет места на празднике жизни звездных героев веселых 60-х. При этом оттепель отличается некая двойственность: с одной стороны, дух патриотизма, осененный памятью о победе в войне, демонстрирующей правильность коммунистического курса, с другой стороны, инакомыслие, но с Лениным в противовес Сталину и с верой в трудный диалог с властью. Вскоре вечный праздник жизни как противостояние глупой деятельности оборачивается ощущением неудачно прожитой жизни, а слияние с государством – набором штампов. Подспудное противостояние государственным штампам, социальным стандартам возвращает 60-е к теме маленького человека. Теперь «маленькими людьми» становятся «живые» обычные люди мелодрам оттепели М.Рощина, В.Розова, А.Володина, А.Арбузова. Фиксирует создание нового парадоксального образа маленького человека летописец эпохи оттепели поэт Е. Евтушенко.

В 70-80-е гг. XX в. – т.н. эпоху застоя – *маленький человек*, пожалуй, вновь становится одним из героев интеллигенции, чему способствует атмосфера общего недоверия к пафосу государственности – всему, что ассоциируется с официальной культурой. Установка на изображение «человека домашнего» объединяет столь разноприродные явления, как фильмы Эльдара Рязанова, повести Ю.Трифонова, В.Белова. Поколение узнает себя и в докторе Новосельцеве (герое рязановского фильма «Служебный роман»), и в Евгении Лукашине (герое рязановского фильма «Ирония судьбы»), и в персонажах «Обмена» Ю.Трифонова, и в лирическом герое песен Б.Окуджавы, других авторов-исполнителей. Думается, феномен авторской песни объясняется прежде всего особой камерной, «домашней» интонацией исполнителя – «дилетанта» (знаковым является название исторического романа Б.Окуджавы «Путешествие дилетантов»), напевающего свои стихи под нехитрое гитарное сопровождение. Особо стоит отметить героя В.Шукшина – «чудика», в котором *маленький человек* уживается с чеховским *недопечкой*.

В литературе конца 80-х гг. XX века при всем многообразии художественных систем – постмодернизма, которому десятилетием позже предстоит стать «мейнстримом», реализма, еще сохраняющего

свои позиции, набирающего силу неосентиментализма, соприкасающегося с т.н. «чернухой», – образ маленького человека является одним из центральных: в той или иной степени герои прозы Виктора Ерофеева, Ю.Алешковского, Л.Петрушевской, Т.Толстой, В.Пьещуха, В.Сорокина – маленькие люди, забытые жертвы. Например, Л.Петрушевская пишет о своих героях, «маленьких людишках»: *«Я их люблю. Они мне даже не кажутся мелкими. Они мне кажутся людьми...»* [Петрушевская 2003: 33].

В 90-е вместе с крахом советской государственности обрывается история официальной литературы и вместе с ней «симметричной ей литературы сопротивления», по выражению В.Ерофеева. Результатом отказа от идеологизации культуры становится смерть советского героя, в том числе советского *маленького человека*. В постмодернистской культуре сам *маленький человек* бунтует против мощи великой литературы, давящей его желанием спасти, возвысить, и в результате самоуничтожается. Так, в культовом постмодернистском романе А.Битова «Пушкинский дом» главный герой перед тем, как совершить бунт против мертвой классической культуры, разрушить музей, ставший её символом, превращается в маленького человека, пушкинского Евгения. «Сев на мраморного льва», он по сути делает из себя цитату, т.е. входит в текст культуры, которую уничтожает, и погибает сам вместе с ней [Битов 1989].

Скепсис по отношению к культурной традиции должен, кажется, привести к окончательному уничтожению мифологемы «*маленький человек*». Но болезненное перерождение культуры оказывается этапом ее обновления. Русская культура словно творит заново себя и свои мифы. Постмодернистскому скепсису, «убившему» маленького человека, противостоит неосентиментализм женской прозы, его воскрешающей. Максимально прозрачно прочитывается тема маленького человека у Л. Улицкой. Неосентиментализм с некой переакцентировкой на общедоступность, сниженность переносит тему маленького человека в постсоветскую массовую культуру – прежде всего в репертуар женщин, «которые поют», – А. Пугачевой, Т. Булановой, И. Аллегровой. Но массовая культура, втягивая тему дальше в женский роман, сюжеты

популярных сериалов, шоу типа «Поле чудес» сводит её к банальной слезливости, делая условно-неосентименталистской. Массовая культура по сути подменяет образ *маленького человека* образом человека масс, превращая из объекта культуры в объект манипуляции и коммерческого интереса (наглядным примером превращения может служить печально известный Леня Голубков из рекламы МММ.)

В XXI веке процесс внутрикультурной адаптации прецедентного феномена «*маленький человек*» еще более усложняется. Наблюдается невиданная ранее раздробленность общества – обилие точек зрения сложно свести к магистральным тенденциям – единодушия нет не только у представителей разных социальных групп, но и в среде творческой элиты, писателей.

Так, если П.Басинский [Басинский 2011] констатировал сохранность в культурном пространстве статуса-кво *маленького человека*, который сейчас превратился в «менеджера среднего звена», то и писатель-государственник З.Прилепин [Прилепин 2009], и пропагандист ценностей общества потребления, бывший редактор медийного журнала «Сноб» Н. Усков отказывают «*маленькому человеку*» в праве на существование в современном обществе. Создается впечатление, что изживание «*маленького человека*» связано с дискредитацией христианской кротости в пользу «самости». Оппозиция «*маленький человек – бездушное государство*» сменяется противостоянием пассивного существа человеку деятельному.

Однако в массовой культуре мифологема, сужаясь до идеологемы (в Википедии в статье, посвященной маленькому человеку, педалируется именно социальный конфликт – тема человека и власти и не раскрывается христианская подоплека образа), формирует особую субкультуру телепередач, апеллирующих к «бытовому» восприятию современности («Пусть говорят», «Давай поженимся»). В массовой культуре «перепрочтение» - а по сути обеднение – понятия «*маленький человек*» связано не с идейными установками, но с игнорированием его литературной предыстории, сохранность которой обеспечивает высокая культура. Так, книги нобелевского лауреата С.Алексиевич складываются из прямой речи

«*маленьких людей*», творящих большую историю. В последнее время мейнстрим встает на защиту великой литературной предыстории самого маленького человека: на популярном канале ГНТ культовым может стать сериал о жизни петербургской богемы XXI века «Бедные люди»; известная певица Земфира называет свой прощальный тур «Маленький человек», видя в последнем двойника лирического героя своих песен. Для *маленького человека* правда заключается в его бездейственном положении, в чувстве безысходности, и поэтому в прессе, ориентированной на него как на читателя, педалируется именно тема социальной несправедливости, а само словосочетание «*маленький человек*» используется в значении «обыкновенный человек», *everyman*. Так, в газете «Комсомольская правда», по результатам опросов признанной «любимым брендом россиян» в категории «газеты» 2013, 2014 годов, авторы статей размышляют, способны ли «полиция», государство защитить *маленького человека* от социальной неустроенности [Комсомольская правда 2002]. Для общественных движений характерны названия митингов «*День маленького человека*», организаторы которых призывают самих маленьких людей противостоять «беспределу», беззаконию органов власти. Пожалуй, такие качества, как кротость и беззащитность *маленького человека* перед бюрократической машиной, граничащая с тщетностью борьбы не столько за жизнь, сколько за выживание, являются понятными большинству и неизменными составляющими прецедентного феномена, несмотря на смену эпохи взглядов.

И все же – при всем размывании контуров понятия, при том, что *маленький человек* каждый раз предстает в новом обличье (чиновника среднего класса, телеграфиста, советского инженера, менеджера среднего звена и т.п.), при том, что одни его качества «исчезают», а другие предстают в гипертрофированном виде или соединяются со свойствами другого психологического типа, – он, как и любой *архетип*, узнаваем. Но, возможно, *пока* узнаваем – до тех пор, пока «живое тепло» мифа (в данном случае т.н. «вторичного» мифа – т.е. мифа, формируемого языком литературы) не «отлетело» от образов «нашего вечного господина Чичикова», «вечных» Недоросля, Молчалина и Иудушки Головлева – тех *прагероев* [Мелетинский 1995], которые, как казалось еще недавно, навсегда

укоренились в национальном сознании и языке. И совершенно очевидно, что русской классической литературе удалось прозренически уловить, отпечатать навеки в национальных архетипических образах ключевые психотипы русского сознания, по сути разгадать загадку русской души.

ЛИТЕРАТУРА

Басинский 2011 – *Павел Басинский*. Путь и шествие// «Российская газета» – Неделя, №5398 (22) 03.02.2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/02/03/knigy.html>

Битов 1985 – *Битов А.* Пушкинский дом. Москва: Современник – 527 с.

Бунин 1918 – *Бунин И.А.* Окаянные дни [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/okayannye-dni-1.htm>

Вавулина, Кольцова 2011 – *Вавулина А.В., Кольцова Н.З.* Методика отбора единиц и материала культурного минимума в целях преподавания РКИ // Сборник XII Конгресс МАПРЯЛ Русский язык и литература во времени и пространстве, том 2 – С. 18-21

Горький 1905 – *Горький М.* Заметки о мещанстве// Горький А.М. "Новая жизнь", 1905, №127 октября, №4 30 октября, № 12 13 ноября, №18 20 ноября. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.ulera.net/view/52351>

Кронгауз 2012 – *Кронгауз М.* Новый русский. Максим Кронгауз изучает лексические новации. Российская газета. Валерий Выжutowич. 11 июля 2012.

Мандельштам 2001 – *Мандельштам О.* Конец романа // Избранное. Москва: Вече – С. 201-204

Мелетинский 1995 – *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). Москва: Наука – 407 с.

Петрушевская 2003 – *Петрушевская Л.С.* Попытка ответа // Девятый том. Москва:

ЭСМО – С. 33-35

Прилепин 2009 – *Захар Прилепин.* России нужны герои// [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php.st=1192113600>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борис Владимирович Тарев
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Москва, Россия

МЕДИАКОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ОВЛАДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: Работа со средствами массовой информации (СМИ) всегда считалась одним из эффективных приемов обучения иностранным языкам. В современное время СМИ существенным образом изменили свой характер, более сложным стало их содержание и функциональное предназначение. В связи с этим должен ставиться вопрос о целенаправленном обучении студентов вузов работе с медиатекстами в условиях неоднозначности представляемой в них информации, трансляции через них противоречивых иногда недостоверных данных. Сложность такой работы усугубляется в условиях работы с иноязычными СМИ в современную эпоху глобальной конкуренции и активизации всех средств «мягкой силы». У обучающихся следует формировать медиакоммуникативную компетенцию - особую способность находить, воспринимать, понимать, интерпретировать и критически оценивать иноязычную медиаинформацию. Описанию данной компетенции посвящена данная публикация.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаинформация, медиакоммуникативная компетенция, СМИ, медиатексты, требования к уровню медиаподготовки студентов

Boris V. Tarev
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

HOW TO FORM MEDIA-COMMUNICATIVE COMPETENCE AT TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Abstract: Introduction of media materials has always been considered as one of the effective methods applied for teaching foreign languages. In the modern world the media has significantly changed its character, its content and functional purpose has become more sophisticated. In this regard, there should be conducted specific training of university students aimed at development of competence to work with media texts in conditions of their sometimes ambiguity, provision of contradictory and sometimes unreliable information. This training is becoming more and more challenging at the time of global competition and mobilization of all the means of "soft power." Students should acquire media-communicative competence - the ability to search, find, perceive, comprehend, interpret, and critically evaluate information from media in a foreign language.

Keywords: media-education, media-information, media-communicative competence, mass media, requirements to students

На разных этапах развития лингводидактики выдвигались те или иные приоритеты в области целей обучения иностранным языком. По отношению к иноязычному образованию существенно менялся социальный заказ. Цель выражалась по-разному и трактовалась посредством таких формулировок, как «практическое овладение иностранным языком», «обучение видам речевой деятельности», «обучение общению», «обучение культуре» и т.д. Сегодня в образовательной системе доминирующим является компетентностный подход, и современные цели трактуются посредством категории «компетенция». Сообразно этому новая модель образовательного процесса предполагает создание условий для формирования тех компетенций, которые являются ключевыми для выпускников того или иного образовательного учреждения. Применительно к иноязычному образованию в качестве ключевых компетенций выделяют *коммуникативную* и *межкультурную* компетенции, которые теснейшим образом взаимодействуют, отражая актуальные тенденции, имеющие место в современной методике обучения иностранным языкам. Вне сферы внимания специалистов не остается информационное пространство, которое может послужить эффективным средством становления этих компетенций у обучающегося. Успешность вхождения индивида в это пространство повсеместно признается неперенным условием успешности формирования данных компетенций.

Современный уровень развития информационных технологий выдвигает новые требования к подготовке выпускников вузов. Все большее значение придается особым свойствам, характеристикам и способностям специалиста. Они должны обеспечивать эффективность работы с *медиа средствами*, с различными источниками информации, продуктивность использования *медиа технологий* в его профессиональной деятельности. Требуется, тем самым, особая компетенция, которая способна повысить не только уровень квалификации молодого специалиста, но и его общекультурный уровень, расширить кругозор, развить умение восприятия и оценки различных видов медиапродукции, чья роль в трансляции или девальвации ценностей сегодня не оспаривается никем. Современному выпускнику необходима *иноязычная медиакоммуникативная компетенция - способность и готовность специалиста полноценно использовать иноязычные медиа средства и медиа технологии для нахождения, оценки и эффективного применения иноязычной и инокультурной медиа информации в личной и профессиональной коммуникативной деятельности.*

Такие явления, как «медиакомпетентность» и «медиаграмотность» исследуются учеными достаточно интенсивно. Интерес к ним вызван тем, что в академической среде начали осознавать, что студентам нужно овладеть новыми видами компетенций, необходимыми в глобальном информационном обществе. Одна из таких компетенций называется информационной; это способность критически осмысливать и использовать информацию, получаемую из цифровых сетей в различных формах из широкого диапазона источников. Таким образом, медиакомпетентность представляет собой многомерное понятие, характеризующееся познавательными, эмоциональными, эстетическими, нравственными и коммуникативными аспектами.

Медиаобразование в США часто называют «медиаграмотностью», «визуальной грамотностью» и даже «информационной грамотностью». Справедливо отмечается, что, хотя эти определения связаны с анализом медиа и практикой, у каждого термина имеются свои нюансы. Например, «информационная грамотность» больше ассоциируется с

библиотеками, компьютерами и цифровыми медиа. Этот термин чаще всего используется теми, кто работает в новой сфере образовательных технологий. В то же время, использование слова «информация» вместо «медиа» означает попытку уйти от художественного спектра медиакультуры. В противовес сказанному «медиаграмотность» чаще ассоциируется с телевидением, социальной активностью и поп-культурой.

Принимая во внимание данные точки зрения, следует иметь в виду существенно расширившийся за последние десятилетия диапазон возможных медиасредств для целей обучения иностранному языку и формирования коммуникативной компетенции. Под медиаинформацией необходимо понимать не только информацию, транслируемую с помощью Интернет и цифровых медиа, но и все, что может являться источником данных об иной культуре: теле- и радиопередачи, выпуски новостей, ток-шоу, прогнозы погоды, реклама, сериалы и кинофильмы на изучаемом языке. Существуют, помимо сказанного, подходы, согласно которым к спектру направлений исследования медиаобразования следует отнести использование фотографии и даже литературы.

В свое время (1995 г.) был разработан определенного рода стандарт медиаобразования [Зазнобина 1998], в котором сформулирован ряд *требований к минимально необходимому уровню медиаподготовки обучающихся*. Этот уровень основан на умениях:

- находить требуемую информацию в различных источниках;
- переводить визуальную информацию в вербальную знаковую систему и наоборот;
- трансформировать информацию, видоизменять ее объем, форму, знаковую систему, носитель и др., исходя из цели коммуникативного взаимодействия и особенностей аудитории, для которой она предназначена;
- понимать цели коммуникации, направленность информационного потока; аргументировать собственные высказывания;

- находить ошибки в получаемой информации и вносить предложения по их исправлению; воспринимать альтернативные точки зрения и высказывать обоснованные аргументы «за» и «против» каждой из них;

- составлять рецензии и анонсы информационных сообщений; устанавливать ассоциативные и практически целесообразные связи между информационными сообщениями; вычленять главное в информационном сообщении, отчленять его от «белого шума»;

- составлять план информационного сообщения, предлагать форму его изложения адекватную содержанию;

- работать с инструментарием подготовки, передачи и получения информации.

Анализ данного документа, а также изучение ряда работ ученых (А.В. Федоров, D. Waacke) позволил прийти к выводу о том, что существует четыре основных компонента содержания иноязычной медиакоммуникативной компетенции (при их перечислении используется терминология [Waacke 1996]). К ним относятся умения, связанные с:

- использованием иноязычных медиа;
- медиа-проектированием;
- «медиа-критицизмом»;
- «медиа-наукой».

Способность *использовать иноязычные медиа* предусматривает умение применять в профессиональной и личной целях исследовательскую методику в поисках необходимой медиаинформации с помощью иноязычных СМИ.

Медиа-проектирование предполагает умение пользоваться теоретическими знаниями о правилах создания иноязычных медиатекстов на практике для перевода визуальной информации в вербальную знаковую систему и наоборот, а также для трансформации информации, исходя из цели коммуникативного взаимодействия и особенностей аудитории, для которой она предназначена. Помимо этого компонент медиа-проектирование связан с умением студентов составлять план информационного сообщения, предлагать форму его изложения адекватную

содержанию, работать с инструментарием подготовки, передачи и получения информации

Под «медиа-критицизмом» понимается умение критически оценивать и анализировать иноязычную медиаинформацию, находить ошибки в получаемой информации и вносить предложения по их исправлению, воспринимать альтернативные точки зрения и высказывать обоснованные аргументы «за» и «против» каждой из них. Кроме того, данный компонент медиакомпетенции предполагает умение аргументированного отказа от использования медиатекста, формулирования оценочного суждения о качестве его содержания.

Компонент *«медиа-наука»* включает теоретические знания об истории создания и развития СМИ страны изучаемого языка, умения поиска интересующей информации об истоках тех или иных медиапроцессов, проектирования путей развития медиaproстранства, обоснованного описания в виде научного текста положительных и/или отрицательных свойств, возможностей медиапродукта и т.п.

Таким образом, выпускник вуза, обладающий медиакоммуникативной компетенцией, должен не только владеть знаниями в области СМИ и их возможностями в области организации и реализации коммуникативного процесса, но и умениями, связанными с практическим применением иноязычных медиатекстов, а также способностью к их теоретической экспликации.

Как видно, все компоненты медиакоммуникативной компетенции связаны с переработкой медиатекстов как средств формирования коммуникативной компетенции. Сегодня с учетом новых образовательных тенденций характер медиатекстов меняется, как и способы их переработки для целей ведения *диалога культур*. Новый - межкультурный - ракурс рассмотрения медиатекстов как средств формирования медиакоммуникативной компетенции на занятиях по иностранному языку придал теории иноязычного медиаобразования новый импульс для развития. (Подробнее о межкультурном иноязычном образовании см. [Тарева 2015].)

Медиатекст воссоздает по особым законам медиаиндустрии «параллельный» мир носителя языка и культуры, являясь отражением картины мира носителя языка, стереотипов, норм поведения, моделируя реальную ситуацию общения носителей языка.

Как результат, к окончанию изучения иностранного языка с использованием медиасредств страны изучаемого языка обучающиеся уже имеют некоторый опыт опосредованного общения с иноязычной культурой, что позволяет избежать явления «культурного шока» при первом непосредственном столкновении с представителями иного лингвосоциума.

При выборе материала необходимо ориентироваться на интересы изучающих иностранный язык и на степень сформированности их медиакоммуникативной компетенции. Наиболее сложными для аудиовизуального восприятия справедливо считаются тексты новостей, которые наиболее полно реализуют основную функцию СМИ – информативную. С одной стороны, высокий уровень повторяемости таких медиатекстов существенно облегчает восприятие новостей и использование новостной информации аудиторией, которая не является частью того или иного лингвосоциокультурного сообщества, например, студентами, изучающими иностранный язык и иноязычную медиакультуру. С другой стороны, в силу культурной специфичности новостных текстов студенты могут не обладать экстралингвистической фоновой информацией, необходимой для понимания того или иного новостного сообщения. Определенную сложность при использовании новостных текстов для студентов может представлять и идеологический компонент текстов новостей иноязычных и инокультурных СМИ. Тем не менее, новостные тексты СМИ изучаемого языка особенно ценны тем, что отражают культуроспецифичное восприятие и отражение картины мира тем или иным культурным сообществом, что проявляется не только на уровне содержания, но и в селекции и подаче медиаинформации с помощью СМИ разных стран.

Не менее важное значение для понимания образа мира носителя иной культуры имеет интерпретация событий, что позволяет активно использовать в образовательном процессе аналитические обзоры событий, политический комментарий, тексты, выражающие мнение и оценку. Именно в информационно-аналитических текстах находят свое выражение различия в восприятии реалий общественно-политической жизни, обусловленные тем или иным культурно-

идеологическим контекстом. Различное видение действительности выражается в свою очередь в различных способах интерпретации того или иного события.

Особый интерес представляют также тематические программы, которые в британских СМИ очень точно называют термином «features», описывающим медиатексты на разнообразные темы: от поп-музыки и спорта до светской жизни и высокой моды. Тематические медиатексты делают акцент на факторе человеческого интереса, концентрируя внимание аудитории вокруг тем, представляющих непреходящий интерес (путешествие, музыка, увлечения и т.п.). По сравнению с текстами новостей и информационно-аналитическими текстами, этот тип медиатекстов более ориентирован на воздействие, что существенно облегчает их восприятие и понимание изучающими иностранный язык.

Несомненный интерес для изучающих иностранный язык представляют тексты рекламы. Как и любой медиапродукт, тексты рекламы представляют собой форму существования социальной среды, фрагмент национальной культуры. Для привлечения аудитории в рекламных текстах используется национально-культурная коннотация, что позволяет создавать в текстах рекламы культурно-национальную языковую картину. Рекламные тексты призваны побуждать потенциальных покупателей – носителей определенного языка и культуры – приобрести тот или иной товар. Именно поэтому они наполнены многочисленными аллюзиями, ассоциациями и т.п. Подобные факторы экстралингвистического характера нередко частично или полностью блокируют понимание медиатекста носителем другой культуры без его целенаправленной подготовки к этому процессу. Но пренебрегать текстами рекламы нельзя, поскольку способность их полноценного понимания свидетельствует о достаточно высоком уровне сформированности межкультурной коммуникативной компетенции.

Формирование способности восприятия, понимания, интерпретации и оценивания (в том числе критического) медиаинформации не формируется в одночасье. Это сложный и длительный процесс, имеющий свои стадии. В этой связи немаловажно опираться на совокупность показателей

сформированности иноязычной медиакоммуникативной компетенции. Ниже (таблица 1) предлагается набор таких показателей, в основу которого положена концепция А.В. Федорова [Федоров 2005: 92-113].

Таблица 1.

Показатели сформированности иноязычной медиакоммуникативной компетенции студентов

<i>№</i>	<i>Показатели</i>	<i>Содержание показателей</i>
1	<i>мотивационный</i>	мотивы контакта с иноязычными медиатекстами: жанровые, тематические, эмоциональные, психологические, моральные, интеллектуальные, эстетические и др.
2	<i>информационный</i>	уровень информированности в области теории, истории, терминологии медиакультуры, иноязычной медиакультуры
3	<i>перцептивный</i>	способности к адекватному восприятию иноязычных медиатекстов
4	<i>интерпретационный/ оценочный</i>	умения интерпретировать, анализировать иноязычные медиатексты на основе определенного уровня медиавосприятия
5	<i>операционный / практический</i>	умения создавать / распространять собственные медиатексты на иностранном языке в профессиональных и личных целях.
6	<i>креативный</i>	наличие творческого начала в различных аспектах деятельности (перцептивной, игровой, художественной, исследовательской и др.), связанной с иноязычными медиа.
7	<i>контактный</i>	частота общения / контакта с произведениями иноязычной медиакультуры(медиатекстами на иностранном языке)

Каждый из показателей сформированности иноязычной медиакомпетенции может находиться на высоком, низком или среднем уровнях, описание которых предложено в таблице 2. Данные уровни полезны для преподавателя-практика, поскольку их описание позволяет диагностировать степень подготовленности студентов к «встрече» с иноязычными СМИ и переработке содержащейся в них информации.

Таблица 2.

*Уровни сформированности
иноязычной медиакоммуникативной компетенции студентов*

№	Показатели	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
1.	Мотивационный	Широкий комплекс мотивов, выбор разнообразных жанров, включающих и незвлекательные.	Комплекс мотивов, включающих выбор разнообразных жанров, при доминирующей ориентации на развлекательные жанры.	Узкий спектр жанровых мотивов, включающих выбор только развлекательных жанров.
2.	Контактный	Ежедневные контакты с различными видами медиатекстов на иностранном языке.	Контакты с различными видами иноязычных медиатекстов несколько раз в неделю.	Контакты с различными видами медиатекстов на иностранном языке не более чем несколько раз в месяц.
3.	Информационный	Знание большинства базовых терминов, теорий, основных фактов развития медиакультуры страны изучаемого языка, творчества деятелей иноязычной медиакультуры.	Знание отдельных базовых терминов, теорий, некоторых фактов истории развития медиакультуры, творчества отдельных деятелей медиакультуры страны изучаемого языка.	Отсутствие знаний базовых терминов, теорий, фактов истории развития медиакультуры, творчества деятелей медиакультуры страны изучаемого языка.
4.	Перцептивный	Отождествление с автором иноязычного медиатекста («комплексная идентификация»).	Отождествление с персонажем / ведущим иноязычного медиатекста («вторичная идентификация»).	Наивно-реалистическое восприятие фабулы иноязычного медиатекста («первичная идентификация»).

5.	Интерпретационный / Оценочный	Способность к анализу и синтезу пространственно-временной формы медиатекста на иностранном языке, интерпретация и оценка авторской концепции.	Способность объяснить логику последовательности и событий, отсутствие интерпретации авторской позиции (или примитивное ее толкование).	Умение только пересказать фабулу произведения, отсутствие интерпретации позиции автора медиатекста на иностранном языке.
6.	Операцион-ный	Практические умения самостоятельного создания медиатекстов на иностранном языке различных видов и жанров.	Практические умения создания медиатекстов на иностранном языке с помощью консультаций педагогов.	Отсутствие практических умений создания медиатекстов или нежелание их создания.
7.	Креативный	Ярко выраженный уровень творческого начала в различных видах деятельности, связанной с (иноязычными) медиа.	Творческие способности проявляются лишь в отдельных видах деятельности, связанных с (иноязычными) медиа.	Творческие способности выражены слабо, либо отсутствуют вообще.

В заключение следует констатировать, что для полноценной подготовки выпускника вуза в состав его компетенций необходимо включить иноязычную медиакоммуникативную компетенцию как способность и готовность полноценно использовать иноязычные медиасредства и медиатехнологии для нахождения, оценки и эффективного применения медиаинформации в личной и профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Baacke 1996 – *Baacke D. Medienkompetenz als Netzwerk. Reichweite und Fokussierung eines Begriffs, der Konjunktur hat.* In: *medien praktisch.* 20. Jg. Heft 7/8. P. 4-10.

Зазнобина 1995 – *Зазнобина Л.С.* Медиаобразование в современной российской школе // Магистр. № 1. С. 17-29.

Тарева 2015 – *Тарева Е.Г.* Межкультурный подход как инновационная лингводидактическая стратегия. Болгарская русистика. № 3-4. С. 165-175.

Федоров 2005 – *Федоров А.В.* Медиаобразование будущих педагогов. Таганрог: Изд-во Кучма. 2004. 340 с.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина

Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О ФИЛОСОФСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: В статье рассматривается подход к общим проблемам перевода философии В.В. Биbihина и Н.С. Автономовой. Владимир Вениаминович Биbihин – философ и замечательный переводчик на русский язык произведений философов Мартина Хайдеггера, Ганса-Георга Гадамера, Вернера Гейзенберга, Габриэля Оноре Марселя, Зигмунда Фрейда, Карла Густава Юнга, Ханны Арентт, Вильгельма Дильтея, Умберто Эко, Ганса Зельдмайера, Пауля Тиллиха, Жака Деррида, Андре Глюксмана, Бернарда-Анри Леви, Франсуа Везена, Франсуа Везье... Он переводил и комментировал тексты Аристотеля, Дионисия Ареопагита, Григория Паламы, Николая Кузанского. Наталья Сергеевна Автономова известна как выдающийся русский философ и блестящий переводчик на русский язык работ французских философов М. Фуко («*Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*») и Ж. Деррида («*De la grammatologie*»), швейцарского лингвиста П. Серио («*Structure et totalité*»), а также текстов французских психиатров Л. Шертока и Р. де Соссюра («*Naissance du psychanalyste, de Messmer à Freud*»), Ж. Лапланша и Ж.Б. Понталиса («*Vocabulaire de la psychanalyse*»).

Ключевые слова: В.В. Биbihин, Н.С. Автономова, перевод и познание, филология и философия, перевод философии, философский текст, философский дискурс

Natalia I. Golubeva-Monatkina
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

RUSSIAN PHILOSOPHERS ON THE PHILOSOPHICAL TRANSLATION

Abstract: The article is a general over-view of the approach of Vladimir Bibikhin and Natalia S. Avtonomova to general problems of philosophical translation. Vladimir Bibikhin is the philosophical books author and an eminent translator into Russian of writings of philosophers Martin Heidegger, Hans-Georg Gadamer, Werner Heisenberg, Gabriel Honoré Marcel, Sigmund Freud, Carl Gustav Jung, Hannah Arendt, Wilhelm Dilthey, Umberto Eco, Hans Sedlmayr, Paul Johannes Tillich, Jacques Derrida, André Glucksmann, Bernard-Henri Lévy, François Vezin, François Fédier... He put into Russian, with commentaries, texts of Aristotle, Dionysius the Areopagite, Gregory Palamas, Nicolaus Cusanus... Natalia S. Avtonomova is known to be the philosophical books eminent author and the excellent translator into Russian of writings of French philosophers Michel Foucault («Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines») and Jacques Derrida («De la grammatologie»), of the Swiss linguist Patrick Seriot («Structure et totalité»). She put into Russian texts of French psychiatrists (Léon Chertok, Raymond de Saussure «Naissance du psychanalyste, de Messmer à Freud»; Jean Laplanche, Jean Bertrand Pontalis «Vocabulaire de la psychanalyse»).

Keywords: Vladimir Bibikhin, Natalia S. Avtonomova, translation of philosophy, translator of philosophy, Russian philosophical text, philosophical discourse

Владимир Вениаминович Бибихин (1938–2004) был философом, филологом, переводчиком. Как философ В.В. Бибихин «в полной мере принадлежал к большой европейской традиции и вместе с тем оставался глубоко русским мыслителем [...]» (Михайловский, 2004), о котором философ С.С. Хоружий написал: «Такой фигуры, мысли с таким складом, голоса с такой интонацией еще не бывало прежде» [Хоружий 2005: 112].

Начиная с 1970-х годов формируется «репутация В.В. Бибихина как великолепного переводчика самых сложных философских, богословских и литературных текстов, гуманитарного

ученого редкой и обширной эрудиции. Его переводы представляют собой не только филологическое, но и философское достижение [...]. Благодаря переводам В.В. Бибихина русский читатель познакомился с трудами таких мыслителей XX века, как М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, В. Гейзенберг, Г. Марсель, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Х. Арндт, В. Дильтей, У. Эко, Г. Зедльмайер, П.Тиллих, новейших французских философов (Ж. Деррида, А. Глюксман, Б.А. Леви, Ф. Везен, Ф. Федье и др.) и таких писателей, как Антонен Арто, Эжен Ионеско, Г.Бёлль, Г. Лорка. Как переводчик и комментатор В.В. Бибихин занимается классической философией (Аристотель), греческой патристикой (Дионисий Ареопагит, Григорий Палама), латинским богословием (Николай Кузанский) [...]» (его псевдоним для богословских переводов – В. Вениаминов) [<http://www.bibikhin.ru/biografija/>].

Сторонник онтологического понимания языка, В.В. Бибихин излагает свою концепцию перевода в работах 1973 и 1979 гг. «К проблеме определения сущности перевода» и «К переводу классических текстов» следующим образом¹: «Поскольку перевод есть проигрывание заново, переоформление данной формы по правилам общечеловеческого языка, он в принципе столь же самостоятелен как и оригинал. Он просто и есть тот же самый оригинал, только отлитый в другую частную форму и продолжающий жить в этой своей новой форме. Оригиналом является оригиналом чисто внешне, во временном смысле. [...] он не более оригинален чем перевод. Оригиналу затерян, заперт в своей частной форме. Переводимость спасает его от этой ограниченности. Она показывает принципиальную, хотя и только потенциальную возможность существования этого оригинала в любой форме. Тем самым переводимость обнаруживает, что помимо того что оригинал написан на японском или абхазском, он написан раньше того еще и на общечеловеческом языке. Но, выручив оригинал из частной формы, переводчик должен дать ему новую жизнь в родной речи, осознавая и утверждая теперь уже также и свой родной язык как общечеловеческий. Таким образом, способ существования

¹ Здесь и далее сохраняется пунктуация В.В. Бибихина, которую он сам, в частности, применительно к своему переводу книги М. Хайдеггера «Бытие и сознание» сам назвал «необычной» [Хайдеггер 2011: 447].

общечеловеческого языка – переводимость частных языков. Общечеловеческий язык – это и есть наш родной язык, поскольку мы обнаруживаем и осуществляем его способность быть орудием общечеловеческой мысли [...]. Переводчик не есть представитель какого-либо одного языка [...]. Каким бы языком он реально ни пользовался, пользуясь им, он утверждает его как всемирный» [Бибихин 2010: 168-169].

То, что подлинно, может и должно быть переведено: «Настоящая вещь с самого начала несет в себе свой собственный перевод [...]. Раз однажды человеком и человечеством достигнута подлинность, в которой они ощутили полноту бытия или хотя бы угадали ее в предвосхищении, всё последующее будет непрерывным переводом этого подъема на бесчисленные языки. Причем верность правде не только допускает варьирование знаком, но и делает варианты обязательными» [Бибихин 2010: 175]. Может ли перевод быть верен оригиналу? Ответ В.В. Бибихина: Да, но «только если оригинал верен правде, общему началу всякого создания и воссоздания, произведения и воспроизведения. Получается, что нельзя сделать верный перевод неподлинной, искаженной вещи. Тогда для него нет основания. Поразительно, до какой степени этот факт не знает исключений и до какой степени он проходит незамеченным» [Бибихин 2010: 175].

Перевод – это не интерпретация, «и всё же интерпретация в нем имплицитно заложена. Абсурдно думать, что можно перевести мыслителя, не умея его истолковать. И если читатель не почувствует за русским словом уверенную руку мастера, вжившегося в мышление Аристотеля и со знанием дела раскрывающего греческий оригинал, чтение превратится в мучительное спотыкание о колючие осколки бессвязных посылок» [Бибихин 2010: 188]. То есть переводчик – это «мастер, вжившийся в мышление» автора, тот, кто «дал себе труд вчитаться» в философский текст [Бозэций 1994: 122].

Та же мысль присутствует в бибихинских «Примечаниях переводчика» к его знаменитому русскому тексту книги Мартина Хайдеггера: «Это русское «Бытие и сознание» пытается использовать данную нашим языком возможность воссоздания немецкой мыслящей речи [...]. Речь Хайдеггера самообъяснительна, в ней

достаточно света для прояснения себя самой и того о чем она. Не случайно он не хотел к своим изданиям указателей и комментариев. Но, как всякая речь, эта тоже требует вслушивания, тем более что она не продолжение привычного дискурса. На первых страницах привыкающего чтения не нужно стремиться сразу к полному пониманию, достаточно одной увлеченности, без которой дело все равно никуда не пойдет. После приблизительного освоения, которого требует вообще любой язык, придет догадка, что здесь не при словах имеется и подлежит отысканию значение, а при мысли, которая сама по себе, свободная, всегда спрашивает и ищет впотьмах [...]. Дойти туда, куда нас тут ведут, без собственного усилия, это все равно как мы воображали бы себя во Фрейбурге, проследив путь по географической карте. Даже вредно читать Хайдеггера, не заметив как можно скорее, что смысл, если уж он у него вообще есть, всегда прост [...]. Если что-то в этой книге не выводит к прямому смыслу, прошу винить переводчика [...].» [Хайдеггер 2011: 444-445].

Кто же может быть переводчиком философского наследия? – Ответ В.В. Бибикина: «[...] только один из ведущих специалистов, соединивший в себе достоинства ученого и литератора. Только от переводчика зависит, чтобы голос классика не превратился в неведомо чье глухое эхо, неизвестно к кому и зачем обращенное [...]. Он один в силах придать стилю своего автора свежесть, жизнь, серьезность, захватывающую остроту парадокса и интеллектуальной провокации, которые и в свое время, в другой языковой среде и другой культуре, умели разбудить и увлечь не только мудрецов» [Бибикин 2010: 190]. «[...] квалификацией для участия в издании памятников мысли должно быть сочетание профессионального знания темы, поглощенность ею в качестве основного занятия и литературное мастерство [...]. Он [переводчик – Н.Г.-М.] выступает полноправным и единственным заместителем возрождаемого им выдающегося, редкостного или гениального философского ума [...]. Перевод единичен и заменим только лучшим переводом. Его создатель, недаром именуемый тоже автором, проходит по всем тайным, не сразу видимым ходам умолкнувшей мысли и один рассказывает об этом пути, заставляя поневоле верить себе» [Бибикин 2010: 187-188].

Можно ли, взяв за основу старый перевод, создать новый? – «Когда в набранных петитом примечаниях к Канту, Гегелю, Аристотелю читаешь краткое редакторское уведомление, что те или иные, особенно старые переводы, раньше «изобиловали многочисленными ошибками», а потом были «подвергнуты значительной переработке», причем «многочисленные ошибки были исправлены» в плане «приближения русского текста к оригиналу», оно только настораживает внимательного читателя вместо того чтобы успокоить его. Обычно он хорошо знает, что ответственный перевод рождается из единого замысла о том, во что должно вылиться переводимое произведение [...]. Если «взятый за основу» перевод был действительно засоренной промахами аморфной массой, никакое «исправление ошибок» его не спасет и не следовало обременять им драгоценные страницы. Без внутреннего творческого настроения любой самый «приблизженный к оригиналу» перевод останется злой пародией на исходный текст. А если перевод был подлинным, то, спрашивается, понимает ли редактор, говорящий об «исправлении многочисленных ошибок», что главное в нем – верность единого лица, выдержанный от первого до последнего слова стилевой ключ, не заметив которого, можно объявить ошибками лучшие переводческие находки? [...]. Никакое редакторское вмешательство не вернет тексту живой творческий жар, если его там не было с самого начала. Нелепо думать, что какую-то «научность» перевода можно гарантировать путем пословного «приближения» к оригиналу» [Бибихин 2010: 189-190].

В.В. Бибихин пишет о том, что язык перевода способен «подтолкнуть» читателя к тому или иному толкованию философского произведения и о том, что читатель философии привык к «неладностям» и «несообразностям» в ее переводах: «В своем последнем, самом крупном и знаменитом трактате [...] Вильгельм фон Гумбольдт дает определение, от которого отталкивается, т.е. пытается уйти и одновременно зависит, последующая лингвистика [...]: Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken. Перевод А.А. Потемни: «Язык есть орган образующий мысль». Неладность такого перевода больше бросалась бы в глаза,

если бы мы издавна не привыкли к несообразностям в переводных философских текстах» [Бибихин 2002: 22].

О Наталии Сергеевне Автономовой как о выдающемся отечественном философе, человеке яркого дарования и широкого круга исследовательских интересов, авторе классических переводов текстов Мишеля Фуко, Жака Деррида и других современных структуралистов и постструктуралистов еще десять лет назад писала редакция журнала РАН «Вопросы философии», предвзяв публикацию ее статьи «О философском переводе» [Автономова 2006: 89]. Н.С. Автономова входит в число тех русских философов, которым в изданном в Швейцарии на французском языке «Словаре русской философии»² посвящена большая статья. Среди разрабатываемых ею философских проблем гуманитарного познания важное место занимает «новая трактовка перевода – в широком смысле слова – как фундаментальной категории философского и научно-гуманитарного познания, как рефлексивного ресурса понимания [...]» [[http:// www.iph.ras.ru/avtonomova.htm](http://www.iph.ras.ru/avtonomova.htm)].

Почему в России начала XXI века возник интерес философов к проблемам перевода? Ответ Н.С. Автономовой: «[...] развитие концептуальных, терминологических языков особенно важно в ситуациях кризисно ускоренного развития культуры. И прежде всего – сейчас в России, где после 70-летней изоляции открылись двери в современную западную мысль, а отказ от марксизма как всеобъясняющей схемы породил идеологический вакуум и одновременно обнаружил огромные концептуальные проблемы. И сейчас, когда на культурную сцену ворвался мощный поток новых текстов, концепций, понятий современной западной мысли, читатель сталкивается со всеми ими одновременно, вне всякой логики и хронологии». Она видит выход «в такой переводческой работе, которая пытается справиться с неуправляемой спонтанностью, выработать свою осмысленную тактику и стратегию», в

² Dictionnaire de la philosophie russe / Sous la direction de Mikhaïl Masline (éd. Respublika, 1995 ; éd. Komplex, 2007). Édition française sous la direction de Françoise Lesourd. Lausanne : Editions L'Age d'Homme, 2010. 1009 p. (Collection SLAVICA dirigée par Gérard Conio, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevic. Série Idéa).

необходимости «содействовать формированию русского философского языка, созданию областей русскоязычной терминологии там, где она либо вообще не существовала, либо плодотворно намечалась (как это было с психоанализом и феноменологией в первые десятилетия XX века), а потом была изгнана вместе со своими предметами» [Автономова 2006: 95-96].

Для Н.С. Автономовой перевод – это «антропологическая константа человеческого бытия и условие возможности познания в гуманитарных науках» [Автономова 2008: 6]: «[...] перевод лежит в фундаменте любого человеческого действия: так всегда было, только на это не обращали внимания. Деррида некогда сказал: везде письмо. Я говорю: везде перевод, хотя и не могу согласиться с тезисом о том, что оригиналов не существует. Просто в культуре никто, ничего, нигде и никогда не сказал в первый раз» [Автономова 2008: 13]. Она утверждает плодотворность такого подхода к познанию: «Этот нарочито заостренный смысловой акцент “все – перевод» позволяет по-новому ставить проблемы как в философии, так и в научно-гуманитарном познании» [Автономова 2008: 16].

Связь познания и перевода была осознана древними греками: «Еще Платон в «Теэтете» фактически утверждал, что познание есть способ языкового выражения опыта, точнее – перевод мнений в словесную форму. В этой процедуре есть нечто такое, над чем мы обычно не задумываемся, однако перевод прямо связан с потребностями работающей мысли [...]. Связь познания и перевода затрагивает разные области культуры – философию, филологию, лингвистику, психологию, историю идей и пр.» [Автономова 2008: 8]. Н.С. Автономова замечает: «<...> в анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удастся увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интерсубъективной проверке [...]. Перевод [...] предполагает отрыв от наивной сращенности предмета и слова и показывает, что эта связь гораздо сложнее, чем мы думаем» [Автономова 2008:13].

Перевод служит средством познания, он может рассматриваться как «рефлексивный механизм»: «Конечно, в

переводе неизбежно присутствуют интуиция, искусство, личностная вовлеченность. Но для меня все эти важные аспекты перевода подчинены познанию, причем и сам перевод выступает как особого рода познание, которое претворяет опыт в вербальные формы, подталкивает к смене этих форм; в конечном счете перевод – в его узкой и в его широкой трактовке – проявляет себя как своеобразный рефлексивный механизм, позволяющий по аналогии исследовать и другие механизмы научно-гуманитарной мысли» [Автономова 2008: 12]. Это обусловлено тем, что «знание может “циркулировать» лишь в конкретных языковых формах, которые его содержат, поддерживают и в чем-то определяют. Из этого многое следует. Главное – это передача содержаний и смыслов, созданных в одном языке и культуре, средствами другого языка и культуры [...]» [Автономова 2008: 15].

Перевод является также и объектом познания: «Познание и практика придают переводу статус эпистемологической проблемы, от трактовки которой зависят перспективы и возможности познания в социальной и гуманитарной области. При этом сам перевод оказывается объектом познания, весьма интересным в эпистемологическом смысле: он материально *ограничен* текстами (оригинала и перевода), но в принципе *не завершен*. Далее, он предельно “*фактичен*», но кладет в основу *отношение*, играя как на сходствах, так и на различиях языков и культур [...]. Призывая переводчика – посредника между языками и культурами – к рефлексии, можно получить доступ к обычно неосознаваемым мыслительным операциям, не зафиксированных ни в каких словарях и учебниках. Задача переводчика – воспринять и осознать чужое новое содержание, подобрать материал своей культуры и языка для воссоздания этого содержания в новой форме. Конечно, вычленив содержание и изолировать его полностью еще никому и никогда не удавалось. Да и перевод – это не смена одеяний: это процесс, в котором различные формы анализа и синтеза интенсивно переплетаются на всех стадиях» [Автономова 2006: 100].

Н.С. Автономова пишет о роли перевода в создании концептуального языка философии: «В противоположность тому, что думают философы, нельзя просто так — “непосредственно» —

прочитать те или иные современные западные тексты. Для того, чтобы прочитать тех же Лакана или Делеза, нужна самоотверженная (а не самоутверждающаяся) работа, которая будет постоянно напоминать нам о том, что Делез во Франции и в России, Делез в 60 годы и в 90-е — это разные вещи в разных культурных контекстах [...]. Концептуальные языки всегда создавались и обогащались переводами» [Автономова 2001].

Для перевода философских текстов требуется сотрудничество философии с филологией: «Понятия не дрейфуют сами собой через культурные границы, нужна работа для того, чтобы это могло произойти [...]. Философ может их выявить, но как правило, не умеет переводить тексты: восстанавливать чужую мысль в систематической форме для него пытка. Сохранить эти понятия в тексте перевода может скорее филолог, учитывающий культурно-исторические и лингвостилистические сложности подбора и апробирования понятийных эквивалентов [...]. Отношения между философией и филологией не определены раз и навсегда, они складываются в конкретных обстоятельствах, что предполагает культурные взаимодействия и постижение языков друг друга. При этом будет хорошо, если филолог не будет бояться философской рефлексии и станет видеть в ней опору, а не помеху, а философ преодолет свой страх перед «агрессивностью» языка, который якобы лишают сознание его суверенности. [...] речь может идти не о помощи (ослабевшей) филологии со стороны философии, но о помощи философии со стороны филологии. Именно филология, профессионально призванная быть службой связи в культуре, может помочь (и реально помогает) философии, столкнувшейся с концептуальными дефицитами, проработать и построить концептуальный русский язык, столь нужный сейчас культуре в целом и философии, в частности. Все вопросы, относящиеся к выработке философского языка понятий, к истории философии, к практикам чтения текстов, вводят в действие и заставляют учитывать приемы и навыки филологической работы» [Автономова 2001].

Она подчеркивает: «Перевод философских текстов — это одновременно и философская, и филологическая работа. Тут вступает в действие герменевтический круг, который всегда так или

иначе разрешается. Без понимания целого невозможно выделить те текстовые единицы, которые мы будем пытаться сохранить в тексте в виде идентифицируемых словесных единиц, а без понимания элементов, нельзя и пытаться строить целое. Без философской интуиции мы не заметим значимые (понятийные) словесные единицы. Но без филологического искусства мы никогда не сумеем провести найденные смысловые единицы через весь текст, не раскрошив и не растеряв их по дороге» [Автономова 1999].

ЛИТЕРАТУРА

Автономова 1999 – Наталья Автономова отвечает на вопросы «Логоса» [Электронный ресурс] // Логос. 1999. № 9. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_02.htm.

Автономова 2001 – Автономова Н.С. Философия и филология (о российских дискуссиях 90-х годов) [Электронный ресурс] // Логос. 2001. №4. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/09.htm.

Автономова 2006 – Автономова Н.С. О философском переводе // Вопросы философии. 2006. №2. – С.89-101.

Автономова 2008 – Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с. (Humanitas).

Бибихин 2002 – Бибихин В.В. Язык философии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.

Бибихин 2010 – Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература / Ответственный редактор и составитель О.Е. Лебедева. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 406 с.

Бозций 1994 – Бозций Датский. О высшем благе, или О жизни философа. О вечности мира Предисловие к публикации В.В. Бибихина // Вопросы философии. 1994. №5. –С. 122-142.

Михайловский 2004 – Михайловский А.Вольный ум. В.В. Бибихин [Электронный ресурс] // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2004. №4 (18). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru>.

Хайдеггер 2011 – Хайдеггер Мартин. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. Изд. 3-е, испр. М.: Академический Проект, 2011. – 460 с. (Философские технологии).

Хоружий 2005 – Памяти В.В. Бибихина / С.С. Хоружий, А.В. Ахутин // Вопросы философии. 2005. № 4. – С.112-113.

Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bibikhin.ru/biografija/>.

Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.iph.ras.ru/avtonomova.htm>.

РЕЦЕНЗИИ

**Дамян Митев «КАТЕГОРИЯ ВОЗРАСТА В АСПЕКТЕ
НОМИНАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)»:
МОНОГРАФИЯ. ВЕЛИКО ТЪРНОВО: Издательство «Фабер»,
2012. – 400с.
ISBN: 978-954-400-647-1**

Рецензируемая монография представляет собой теоретическое исследование категории *возраст* в аспекте номинативной деятельности языка на материале русского и болгарского языков. Актуальность работы связана с вниманием современной науки к проблемам отражения в языке познания человеком окружающего мира. *Возраст* – одна из качественных характеристик объектов живой и неживой природы, выражаемая широким диапазоном языковых единиц и речевых структур. Данная категория с полным правом может быть отнесена к универсальным категориям, параметры которых постоянно уточняются. Интерес к данной проблеме активно проявляется в российских разработках, где различные аспекты возрастной характеристики были предметом исследования в контексте общелингвистических и частных проблем на материале европейских языков.

Во введении подчеркивается специфика категории, заключающаяся в разноплановости возрастных признаков, языковая объективация которых проявляется в использовании разноструктурных и разноуровневых средств, выполняющих сходные функции. Данное обстоятельство обусловило выбор ономаσιологического подхода, который, согласно обозначенной автором трактовке, предполагает изучение лексической семантики, или значений, используемых для номинации объектов действительности. Выбор ономаσιологического анализа представляется крайне важным, поскольку он демонстрирует перспективы для изучения универсальных категорий на материале нескольких языков. Уместно в этом контексте привести цитату из работы известного французского лингвиста Гюстава Гийома,

который отмечал, что «в традиционной сопоставительной грамматике наблюдению подвергалась почти исключительно физическая сторона слова. Но не рассматривалось отношение, капитальное для структуры и архитектуры человеческого языка, отношение физического и ментального» (Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Пер. с франц. П.А. Скредлиной; Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скредлиной. М., 1992. С. 72). Ученый предвосхитил значимость когнитивного и ономаσιологического направлений (которые тесно пересекаются) для изучения механизмов концептуализации и категоризации на материале разных языков. Когда речь идет о многослойной структуре категории, именно ономаσιологический анализ, избирающий в качестве отправной точки исследования содержание, а не форму, позволяет оптимально решить не только задачи сопоставительного анализа, но и наиболее полно параметризовать содержание исследуемой категории.

В работе болгарского лингвиста приоритет отдается решению задачи, ориентированной на комплексное изучение специфики категории, которая рассматривается в качестве ономаσιологической. При этом в центре внимания ставится тесная связь с проблемами семиотики и когнитивной лингвистики. Автор отсылает читателя к различным эпохам, в том числе к Античности, подчеркивая, что интерес к познанию природы языка, к номинации как сложной мыслительно-языковой и речемыслительной деятельности поддерживался представителями различных наук. Отмечается, что современное понимание ономаσιологии основано на трактовке номинативной деятельности в языке как объективации членения мира в процессе его познания. Именно в этом аспекте и рассматривается в работе категория *возраст*. Для автора важен поиск ответа на вопрос, как осуществляется именование предметов и явлений действительности средствами языка и каков результат этого обозначения в работающей системе языка.

Как верно заметил автор рецензируемого труда, ономаσιологический подход обоснованно позволил расширить теоретический аппарат и 'вступить' в междисциплинарное 'пространство' когнитивной лингвистики. В работе подчеркивается, что ономаσιология связана с изучением того, как соотносятся

понятия и языковые знаки, каким образом за разными фрагментами объективной действительности закрепляются соответствующие наименования и каковы функциональные ориентации этих наименований.

Отдельный раздел работы посвящен специфике ономаσιологических категорий по сравнению с другими языковыми категориями – понятийными и семантическими. Устанавливается общая связь с понятийными категориями, поскольку и те, и другие имеют классификационный характер, связанный с когнитивной классификационной деятельностью человека. Согласно выводам автора, главное отличие от понятийных и семантических категорий, заключается в функциональной направленности ономаσιологических категорий к обозначению, т.е. к систематизации языковых единиц, репрезентирующих определенные объекты или явления действительности. Отметим наиболее важные характеристики ономаσιологических категорий: они не строго связаны с определенными способами и средствами выражения; их общее категориальное значение более тесно связано с бытийными формами категориального мышления. Кроме того среди этих категорий преобладают категории реального содержания (предметного, процессуального, качественного); как и другие языковые категории, они имеют полевую структуру. Однако заметим, что языковой материал иногда диктует использование в контексте ономаσιологического подхода иных, кроме полевых, моделей описания структуры категории.

Особому рассмотрению в монографии подлежит соотношение ономаσιологических категорий и словообразовательных категорий, поскольку, как подчеркивается, словообразовательная номинация является ведущей в ономаσιологическом пространстве русского и болгарского языков. Именно при изучении производных слов выявляются мотивы означивания. В работе большое место уделено словообразовательным элементам, участвующим в передаче возрастных характеристик. В этой связи подчеркнем значимость следующего вывода: если ономаσιологические категории связаны с категоризацией и языковой репрезентацией фрагментов действительности, то словообразовательные категории являются

основным языковым механизмом реализации и пополнения ономасиологических категорий (с. 49).

Во второй главе монографии дается общая характеристика ономасиологической категории *возраст*, которая квалифицируется как универсальная, включающая социально значимый опыт культуры, и представляется в виде системы возрастных групп от младших к старшим; характеризуется градуальностью, горизонтальными и вертикальными отношениями. Справедливо отмечается соответствие возрастной квалификации временному характеру природного и хозяйственного цикла. Признаки, на основе которых выделяются ступени и оппозиции категории *возраст*, различаются в отношении людей, животных, растений, неживых предметов и явлений действительности, т.е. объект изучения довольно сложный, многослойный и всеохватывающий. Однако Д. Митев успешно решает сложную задачу комплексного анализа исследуемой категории, учитывая основные аспекты ее языковой объективации. Основой для достижения намеченных целей послужило использование исходных положений теории функционально-семантического поля. Методика анализа ономасиологического поля категории *возраст* тщательно разработана автором и основывается на ряде принципов, выбор которых продиктован характером языкового материала. При описании полевой организации категории *возраст* автору удалось объединить частеречные и понятийные основания ее структурирования. Полевая модель анализируемой категории создает, тем не менее, определенные трудности для восприятия целостной картины. Сам автор указывает, что внутренняя структура категории *возраст* выступает как сложное взаимодействие различных ономасиологических классов и разрядов, как разнообразие аспектов возрастной характеристики, и одновременно включает разноуровневые средства и способы выражения. В связи с этим оправданным является выделение пересекающихся и взаимодействующих подполей и микрополей.

В главах, посвященных обозначению возраста в номинативной системе языка, подробно описаны способы и средства словообразования и ономасиологические разряды; выявляется

значимость ценностно-целевой ориентации актов словообразовательной номинации; выясняется специфика формирования трех основных типов единиц – обобщенное, точное и приблизительное выражение возраста, которая объясняется градуально-оппозитивной структурой категории.

Несомненный интерес представляет специальная глава, посвященная вопросу формирования семантики первичных основ слов с возрастным значением с учетом данных этимологии. Следует полностью согласиться с выводом автора о том, что исторические сведения и этимологический анализ способствуют более глубокому пониманию функционирования современных слов для выражения определенных возрастных характеристик. Значительную часть в исследовании парадигмы категории возраста занимает описание деривационных потенциалов первичных основ адъективной семантики, а также особенностей формирования семантики фразеологизмов ономазиологического пространства категории возраста.

В ходе проведенного исследования выявлены общие и специфические для русского и болгарского языков характеристики категории *возраст*, а также особенности структурной организации ономазиологических полей, что отражается в выводах к главам и в общем заключении. Автору удалось изложить свое представление о сущности целого ряда сложных явлений, послуживших базой для исследования. Ряд теоретических проблем, затронутых в работе, до сих пор не были предметом изучения и получили свое оригинальное решение применительно к исследуемому материалу.

Необходимо выразить благодарность автору за издание объемного научного труда, который будет доступен широкому кругу читателей и, несомненно, вызовет большой интерес у российских лингвистов. Перспективность применения полученных результатов заключается в актуальности предложенной автором методики описания конкретных категорий на основе матричной модели, которая может послужить основой для изучения определенных аспектов других категорий.

Лариса Георгиевна Викулова, МГПУ, Москва, Россия
Эльвира Михайловна Рянская, НГУ, Нижневартовск, Россия

ХРОНИКА

Димитрина Спасова Лесневска
Университет национального и мирового хозяйства
София, Болгария

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «МИР – ЭТО СЛОВО, СЛОВО – ЭТО МИР»

6 – 7 октября 2016 года в Юго-западном университете имени **Неофита Рильского** (г. Благоевград, Болгария) состоялась Национальная конференция с международным участием «Мир – это слово, слово – это мир», организованная Филологическим факультетом по случаю 25 годовщины его создания. В работе конференции приняли участие около 100 представителей научных и профессиональных кругов из 10 стран: **Болгарии, Венгрии, Греции, Македонии, Норвегии, Сербии, Словакии, Украины, Чехии, Хорватии.**

Конференция проходила в рамках **восьми секций:**

Секция 1: Языкознание – синхронные и диахронные исследования;

Секция 2: Язык и культура. Язык и субкультура;

Секция 3: Социолингвистические, этнолингвистические и психолингвистические исследования;

Секция 4: Современная болгарская и мировая литература;

Секция 5: Масс-медиа, коммуникации и манипуляции;

Секция 6: Перевод – теоретические и практические измерения;

Секция 7: Методика и дидактика обучения;

Секция 8: Фольклористика и этнология.

Конференция была открыта вступительным словом декана Филологического факультета проф. **Магдалены Костовой-Панайотовой**. На пленарном заседании были заслушаны следующие доклады: проф. **Амелия Личева** (Софийский университет имени Святого Климента Охридского, г. София, Болгария) «*Мир и слово в мировой литературе*»; проф. **Хетил Ро Хауге** (Университет г. Осло – Норвегия) «*Междометие БРЕ /БРЕЙ/ БРЕХ в болгарской и*

балканской перспективе»; проф. Иван Кочев (ЮЗУ им. Неофита Рильского, г. Благоевград, Болгария) «Болгарская северо-западная изоглосса».

Болгарская русистика была представлена докладами русистов: Соф. у-тет им. Св. Климента Охридского, г. София: **И. Бирова** *Наблюдение върху превода на реалии и фразеологизми (руско-български и българо-руски паралели); Ц. Досева* *Службите на св. Пророк Илия в южнославянските минеи; Е. Солнцева-Накова, В. Манчев* *Проблеми превода текстове художественни филмови (Практически аспекти); УНМХ, г. София: Д. Лесневска* *Епистолярни дискурси в обучението на руски език за чужденци в български класове; НБУ, г. София: Т. Фед* *Рецепция на Иван Бунин в България; И. Георгиева* *Темпоралните фразеологизми през призмата на български и руски език; Университет им. Проф. А.Златарова, г. Бургас: К. Попова* *Птиците в българската фразеология; ЮЗУ им. Неофита Рильского, г. Благоевград: С. Томанова* *Роман Якобсон за позициите на говорещия, преводача и слушателя; УниБИТ, г. София: В. Николова* *Мир художественной литературы через язык-последки.*

Институт българского языка Болгарской АН, г. София был представлен докладами **Н. Костовой** *Новите отглаголни съществителни имена в български език; К. Симеоновой* *За някои прояви на езикова манипулация в днешната българска реч; А.Чолевова-Димитрова* *Съвременна българска антропонимия; Н. Николовой* *Неологизмите в съвременния медицински дискурс; В. Стефановой* *Класификационен модел на прилагателните в български език.*

С интересом были заслушаны доклады зарубежных гостей: д-ра **Моники Фаркаш-Барати** (Университет Сегеда, г. Сегед, Венгрия) *Българо-унгарски културни връзки през вековете; доц. д-ра Светланы Георгиевой* (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина) *Народният календарна бесарабските българи (Етнолингвистически етюди); проф. д-ра Константиноса Нихоритиса* (Университет Македонии, г. Салоники, Гречия) *Каталогът на гръцките книги от Цв. Радославов за Библиотеката на Ем. Васкидович.*

Исследования, представленные в докладах Юбилейной конференции ЮЗУ им. Неофита Рильского в г. Благоевграде, Болгарии, отличаются научной новизной, способствующей дальнейшему развитию **международной славистики, болгаристики и балканистики.**

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Любов Стефанова Мишева
Директор 131 СОУ им. К.А. Тимирязева
София, Болгария

131 ШКОЛА ИМЕНИ К.А. ТИМИРЯЗЕВА В СОФИИ

Я хотела бы прежде всего поблагодарить за предоставленную возможность представить 131-ю Школу. Она расположена в полях горы Витоши, в чистом и уютном районе с очень хорошей инфраструктурой. Школа создана в 1985 г. В развитие 131-й школы имени **Климента Аркадьевича Тимирязева** вложены любовь, терпение, вера. Наша школа имеет 30-летнюю историю и богатые традиции. Школа официально получила свое имя в апреле 1985 года. Барельеф Клименту Аркадьевичу Тимирязеву поставлен в здании школы на первом этаже. В школе планируется расширенное обучение биологии и химии. **Госпожа Йоцова**, учитель биологии, подготовила материалы о жизни и деятельности великого русского Академика-Ботаника Тимирязева. В 131-й СОУ дети получают хорошее образование с открытым сознанием о мире и обо всем, что их ожидает в жизни.

Педагогический коллектив школы состоит из 30 высококвалифицированных преподавателей (трое учителей, имеющих I Профессионально-квалификационную степень (ПКС), – **Любов Мишева, Илияна Илиева и Стилияна Маринова**, у которой научная степень доктора; трое учителей, имеющих II ПКС, – **Розалина Иванова, Керанка Михайлова и Майя Илиевам**; один учитель, имеющий IV ПКС, – **Емилия Денчева**, и двое учителей,

имеющих V ПКС, – **Огнян Петков и Елеодора Кирова**), которые поддерживают и развивают живую традицию и культурные ценности. Наши учителя воспитывают поколения в свободолобивом духе толерантности и ответственности.

Есть места, куда всегда хочешь возвращаться, и пути, которые снова хочешь пройти. Есть глаза, которые никогда не забываешь, и улыбки, которые хочешь встречать всегда.

Иногда магия этих воспоминаний сосредотачивается на одном имени. Для нас, учителей и воспитанников 131-й Школы, это она – **наша школа!** 29 октября нашей школе исполнилось тридцать лет. Школа не просто институция, где усваиваются знания и приобретаются умения. Школа – это сфера для диалога в мировом масштабе. А в богатстве диалога рождается правда, сохраняются ценности, усваиваются важные житейские уроки. И мы, учителя, пытаемся преподать своим ученикам главный, глобальный урок в жизни, который не включен ни в одну учебную программу, не записан ни в одной тетради, не присутствует ни в одном плане.

Прежде всего, мы хотим, чтобы наши воспитанники выросли **терпеливыми людьми**, отличающимися **постоянством характера**. Потому что, если не умеем присутствовать в настоящем, не сможем созреть будущее.

Мы желали бы, чтобы наши воспитанники стремились к познанию мира, а это познание неизменно связано с ответом на вопросы: «**Кто я?** », «**Где мое место в мире?**».

Пятого февраля 1985 года группа 18 начальных учителей во главе с директором **Емилией Илиевой** поставила начало учебно-воспитательной деятельности в новопостроенной школе в жилищном комплексе «Младост 4», в г. Софии. Первые учителя – это **Огнян Петков, Красимир Жечев, Виолета Младенова, Дора Георгиева, Неделка Ангелова, Дора Петришка, Даниела Йорданова, Керанка Михайлова, Нася Генова, Николина Пешева, Димитрина Венкова, Весела Лачева**.

Четвертого марта 1985 года состоялось официальное открытие **131-ой Школы**. Была исполнена литературно-музыкальная программа.

Шестого июня 1985 года студенты Художественной Академии и Лесотехнического института сделали замечательный подарок школе – Игротеку для младших классов. Фрески по мотивам детских сказок в школе – работа студентов-художников.

В месяце апреле 1986 года учительский коллектив во главе с Комиссией по проблемно-творческим вопросам принял участие в проведении Месяца хорошего педагогического опыта. Пятого апреля в школе состоялась дружеская встреча с учительским коллективом **146-ой Московской Школы**. Был проведен открытый урок на тему «Весна» преподавателем **Керанкой Михайловой**. Наши московские коллеги подарили школьной библиотеке новую методическую литературу на русском языке. Учительский коллектив 131-ой Школы познакомил русских коллег с достопримечательностями Софии – Софийским университетом имени Св.Климента Охридского, Национальной библиотекой имени Св.Св. Кирилла и Мефодия, Национальным историческим музеем и Болгарской Академией наук.

На торжественном школьном Совете, проведенном в мае 1986 года, **С. Йоцова**, учитель биологии, выступила с докладом о жизни и деятельности патрона школы – **Климента Аркадьевича Тимирязева**.

С тех пор традицией становится **Наставническое движение**. У каждого молодого учителя есть наставник, который содействует ему в его подготовке и овладении педагогической профессией.

29 октября 2010 года учительский коллектив 131 Среднеобразовательной школы, состоящий из 33 коллег во главе с директором **Любовью Мишевой**, отпраздновал Юбилейную 25-годовщину школы.

10 октября 2011 года в Региональном инспекторате по образованию города Софии открылась выставка 131 Школы имени Климента Аркадьевича Тимирязева. Директор школы **Любовь Мишева** представила работу школьников и преподавателей. Воспитанники

преподавателя изобразительного искусства, выдающегося художника **Красимира Цанова** демонстрировали свои работы, получившие награды в различных конкурсах. Вокальная группа под руководством **Марианы Станковой** своими прекрасными исполнениями иллюстрировала качественное преподавание «Искусств» в школе.

Состоявшееся 29 октября 2015 г. Юбилейное празднование 30-летия Школы «**30 лет традиции в образовании**» было впечатляющим и останется памятным событием благодаря исключительной гармоничности и артистизму музыкальной программы, исполненной воспитанниками, участвующими в школьных кружках и клубах. Дети начальных и старших классов продемонстрировали свои таланты и свою хорошую подготовку. Они танцевали, пели и читали стихи на трех иностранных языках – русском, английском и испанском, а их театральные этюды получили заслуженные овации публики. Хоровая формация 5-8 классов исполнили русскую «Оранжевую песню», английские «Герои» («Heroes») и «Hockey Rocky», испанскую «Ла Бамба», был представлен и танец под русскую песню «Смуглянка». А все время на сцене читались следующие слоганы: «Ти си тук, защото си ценен! Ти си тук, защото си обичан! Ти си тук, защото можеш да допринесеш за един по-добър свят! Ти си тук, защото тук са твоите приятели!» (рус. «Ты здесь, потому что ты ценен! Ты здесь, потому что тебя любят! Ты здесь, потому что можешь способствовать созданию лучшего мира! Ты здесь, потому что здесь твои друзья!»).

Школа располагает высококвалифицированным кадровым составом, в том числе логопедом и психологом, а также очень хорошей учебной базой: кабинетами по отдельным предметам, многофункциональным физкультурным залом, где проводятся фитнес гимнастика и занятия боевыми искусствами, плавательным бассейном, двумя компьютерными кабинетами, а для начальных классов есть занимательная комната и комната «Игротека».

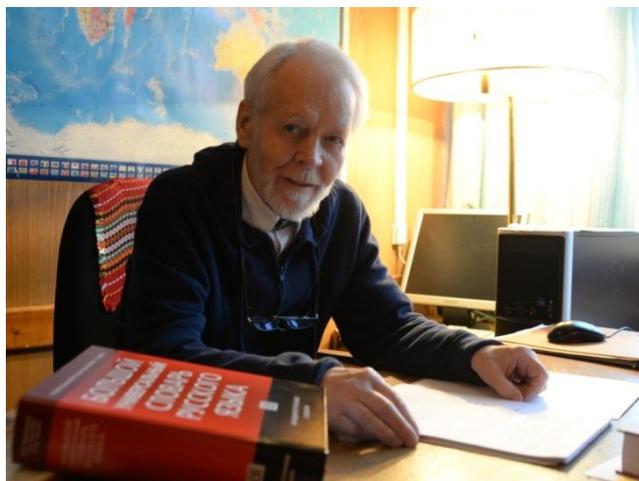
Библиотека школы располагает богатым и сравнительно новым библиотечным фондом, который на данный момент насчитывает свыше 5100 экземпляров книг, среди которых книги на русском языке, полученные в дар, и Большая Советская Энциклопедия в 50 томах с Ежегодником с 1957 г.

Обучение иностранным языкам проводится с I-го класса. Акцент ставится на обучении русскому языку (преподаватели русского языка **Любов Мишева** и **Елеодора Кирова**, также преподается английский язык (преподаватели английского языка **Весела Йотова** и **Росица Саяди**) и испанский язык (преподаватель испанского языка **Десислава Николова**). А с IX класса технического профиля особое внимание обращается на такие учебные предметы, как информатика, информационные технологии и иностранный язык.

Мы активно развиваем наше научно-методическое сотрудничество и обмениваемся опытом с другими школами. Подписан и действует Договор со **Школой № 1279** в городе **Москве, России**, директором которой является **Анисимова Раиса Алексеевна**. Наши отношения реализуются в плане коммуникации между образовательными учреждениями и партнерства в сфере образования и науки, разработки эффективных форм сотрудничества в рамках определенной образовательной и лингвистической концепции.

IN MEMORIAM

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

*Да, я знаю, я
вам не пара,
Я пришёл из
другой страны,
И мне нравится
не гитара,
А дикарский
напев зурны.
Н.С. Гумилёв*

1 апреля 2016 года ушёл из жизни выдающийся учёный-лексиколог и лексикограф **ВАЛЕРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ МОРКОВКИН**, автор более 200 научных трудов по вопросам языкознания, лексикологии, лексикографии и философии языка, создатель около 20 словарных произведений, родоначальник отечественной теории учебной лексикографии и альтернативной лексикологии, основоположник антропоцентрического и синергетического лексикографирования.

Валерий Вениаминович был человеком в высшей степени незаурядным и прожил напряжённую, насыщенную и в то же время очень цельную жизнь. Он родился 11 января 1940 г. в самом сердце Поволжья, городе Саратове, который до последних дней вспоминал с особой душевной теплотой и привязанностью. Лишившись отца и матери во время Великой отечественной войны, будущий лексикограф воспитывался бабушкой, которая сумела привить ему глубоко православное восприятие действительности, на котором, судя по всему, и была основана его невероятная любовь к русскому слову. Первой и весьма существенной ступенью его биографии стало

обучение в заведениях военной направленности – Саратовском суворовском военном училище и Московском Краснознаменном высшем общевойсковом командном училище им. Верховного Совета РСФСР. Ценным приобретением этих лет стали суворовская выправка и офицерское достоинство, которые он сохранил до конца жизни.

В 1962 г., после прохождения военной службы, Валерий Вениаминович поступает на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на только что открытое отделение русского языка для иностранцев, которое он оканчивает с отличием в 1967 г. Будучи человеком разносторонним, он защищает сразу две дипломные работы – по вопросам идеографического лексикографирования под руководством Л.А. Новикова и по испанской литературе под руководством В.С. Виноградова.

Научная деятельность Валерия Вениаминовича прочно связана с Институтом русского языка им. А.С. Пушкина, в стенах которого он прошёл путь от младшего научного сотрудника сектора лексикологии и словарей до главного научного сотрудника и заведующего отделом учебной лексикографии. Здесь он защитил кандидатскую диссертацию «Идеографическое описание лексики (анализ слов со значением времени в русском языке)» (1973 г.), докторскую диссертацию «Основы теории учебной лексикографии» (1990 г.), а также получил профессорское звание (1992 г.). В 1986 г. В.В. Морковкин был награждён Дипломом почёта ВДНХ, в 2001 г. – Дипломом первой степени лауреата Всероссийского конкурса «Трудовая слава России», а в 2003 г. – Дипломом лауреата Премии Президента России в области образования.

Валерий Вениаминович Морковкин создал научную школу, идеи которой продолжают развиваться не только в России, но и за рубежом. Под его руководством защитили диссертации около 30 аспирантов и докторантов из разных областей России, Монголии, Кубы, Мали, Ирландии, Польши, Египта, Болгарии, Китая. В библиографии учёного нет впечатляющих по объёму научных трудов – свои идеи он излагал достаточно лаконично. Однако многие его

высказывания имеют перспективы неограниченного развёртывания и могут быть положены в основу самостоятельного научного труда.

Отличительной чертой В.В. Морковкина как лингвиста-исследователя и лексикографа-практика является присущий ему дух неукротимого и безбоязненного новаторства, стремление найти и предьявить новое и непременно лучшее решение даже вполне традиционных проблем. Постоянная и весьма интенсивная лексикографическая деятельность осуществлялась В.В. Морковкиным параллельно с напряженным опережающим теоретизированием. В этом направлении могут быть выделены три основных точки притяжения исследователя: философия языка, словарная лексикология и учебная лексикография.

На лингвофилософском поприще к основным достижениям учёного можно отнести, во-первых, введение понятия **ментально-лингвального комплекса** как функционирующего на основе человеческого мозга информационного по природе триипостасного целого, которое обеспечивает восприятие, понимание, оценку, преобразование, порождение и передачу информации, во-вторых, обоснование феномена **деривационно-порождающей энергии слова**, т.е. энергии, позволяющей слову при посредстве человека осуществлять формально-содержательную экспансию, содержательное самоусложнение и формальное самообновление. Воспринимая Слово как одухотворённую и во многом мистическую сущность, В.В. Морковкин не только не разделял весьма распространённую среди лингвистов трактовку языка как системы знаков, но и наделял язык рационально необъяснимым могуществом. В одной из своих работ он пишет: «Неабсурдным, хотя и несколько парадоксальным, кажется заключение о том, что в то время, когда люди пользуются языком как средством общения, сам язык пользуется людьми как орудием, с помощью которого он поддерживает свое здоровье и осуществляет свое развитие».

В качестве вклада В.В. Морковкина в лексикологию можно рассматривать: а) триипостасную модель лексического значения, в рамках которой слово имеет **абсолютную ценность** (семантика), **относительную ценность** (парадигматика в широком смысле слова) и **сочетательную ценность** (синтагматика); б) новое видение

лексической системы, в соответствии с которой выделяются простые, составные и совмещённые единицы лексической системы; в) разграничение понятий «лексическая единица» и «слово»; г) максимально полный перечень функций слова; д) обновлённую типологию лексических значений; е) введение и изучение понятий «**агнотимия**» и «**таротимия**»; ж) углублённое словарно ориентированное моделирование лексической многозначности; з) разработку словарно ориентированной концепции сочетаемости слова; и) построение целостной теории формальной вариантности слов; к) рассмотрение термина как смысловой доминанты функционально связанного текста с исчислением его наднациональных свойств и свойств национально специфических.

К числу предложенных В.В. Морковкиным новаций лексикографического характера можно отнести а) последовательное **противопоставление лингвоцентрического и антропоцентрического подходов** к описанию и моделированию лексической системы в словаре; б) инженерную по своему характеру трактовку лексикографии; в) новое понимание объёма, содержания и структуры теории лексикографии с выделением таких её разделов, как словарная лексикология, учение о жанрах и типах словарей, учение об элементах и параметрах словаря, учение об основах лексикографического конструирования, учение о планировании и организации словарной работы и нек. др.; г) выдвижение и обоснование понятия «**синергетическое лексикографирование**»; д) разработку стимулирующей типологии лексикографических произведений; е) создание типологии словарных толкований; ж) разграничение понятий «словарная система» и «словарная серия»; з) обоснование целесообразности разделения предъявляемой в словаре информации на присловную (отражение собственных свойств заголовочной единицы) и присловарную (отражение несобственных, групповых свойств заголовочной единицы) и нек. др.

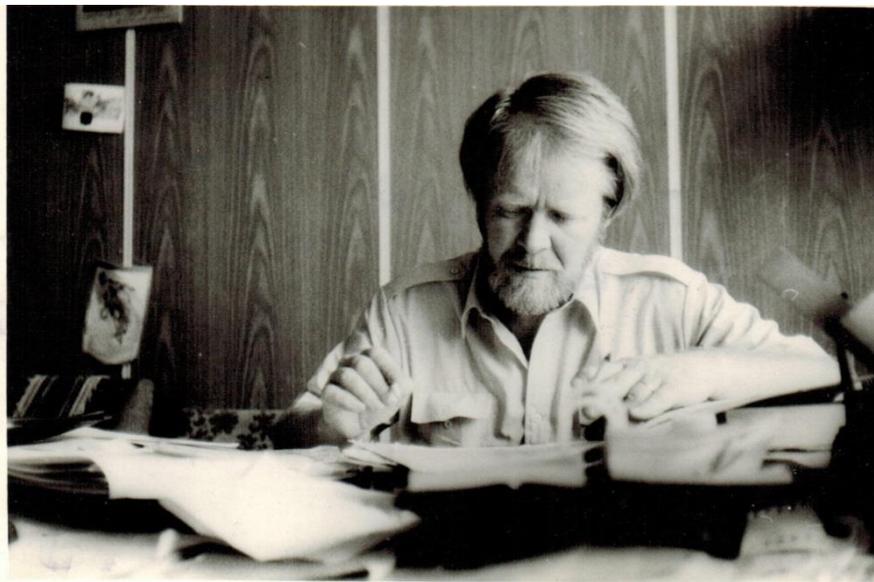
Результатом его практического творчества стала коллекция беспрецедентных не только в отечественной, но и в мировой лексикографии словарных произведений, отличающихся концептуальной, жанрово-типологической и процедурной новизной. Среди этих словарей: первый на русском языковом материале

словарь сочетаемости слов (**«Учебный словарь сочетаемости слов русского языка»**), первый комплексный словарь, моделирующий лексическую систему (**«Лексическая основа русского языка»**), первый словарь, содержащий систему градуальных лексических минимумов русского языка (**«Лексические минимумы современного русского языка»**), первый словарь структурных слов русского языка (**«Словарь структурных слов русского языка»**), первые в мировой практике толково-сочетаемостные словари терминов (семь словарей общим объемом ок. 130 а. л., напр., **«Учебный словарь сочетаемости общественно-политических терминов»**, **«Учебный словарь сочетаемости терминов. Сельскохозяйственная техника»**, **«Словарь терминов современного предпринимательства»**, **«Комплексный учебный словарь химических терминов»**, **«Учебный словарь. Анатомия. Толкование и сочетаемость терминов»**) и нек. др.

Вершинным произведением В.В. Морковкина и образцом лексикографической синергии стал плод его кропотливой двадцатипятилетней работы – **«Большой универсальный словарь русского языка»**. Выход в свет данного словарного труда без всяких преувеличений знаменует новую эру в истории лексикографии, поскольку последний представляет собой не только бесценный клад информации о слове, но и конструкторское произведение, отвечающее требованиям структурности, целостности и внутренней гармоничности.

Валерий Вениаминович был совершенно нерядовым учёным, и дело здесь не только в его объективных научных достижениях. Удивительным в нём было тонкое сочетание инженера-конструктора и лингвиста-романтика, нравственной чистоты и бесшабашной удали, бескомпромиссности и человеческой мягкости, прозорливости учёного и чистосердечной доверчивости. Донкихот от лингвистики и подвижник от науки, он обладал безупречным языковым вкусом и не терпел всякого рода пошлости. В уединённой, в некотором роде даже «келейной» научной жизни, лишённой наносной мишуры, щоу и всякого рода позы, он находил служение русскому народу и его великому Слову. Уход В.В. Морковкина – это не только человеческая и общенаучная потеря, это конец прекрасной лингвистической эпохи,

которая по своей концептуальной густоте не сравнится ни с одной из предшествующих эпох.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

1. Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Изд-во МГУ, 1970. 72 с.
2. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во МГУ, 1977. 168 с.
3. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дисс. ... докт. филол. наук в форме научного доклада. М., 1990. 72 с.
4. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: АО «Астра семь», 1997. 414 с.
5. Морковкин В.В. О деривационно-порождающей энергии слова // Русский язык за рубежом. 2014. № 5. С. 63–69.
6. Морковкин В.В. О глубине антропоцентрического лексикографирования // III Новиковские чтения. Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сборник научных статей. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2011. Часть 1. С. 299–308.
7. Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгр. МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. София, 2007. Т.2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. С. 465–474.

8. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 131–136.

9. Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи, лексикологии и лексикографии. Виноградские чтения. IX-X / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1981. С. 153–166.

10. Морковкин В.В. О лексической полисемии // Русский язык за рубежом. 2009. № 4. С. 57–67.

11. Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 32–38.

Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: Сб. статей / Под ред. Морковина В.В. и Трушиной Л.Б. М.: Русский язык, 1986. С. 94–117.

12. Морковкин В.В. Русская духовность в лексикографическом рассмотрении // Русистика сегодня. 1999. № 1–2. С. 142–157.

13. Морковкин В.В. Типология лексических значений как объект словарной лексикологии // Русистика сегодня. 1998.– № 3. С. 3–10.

14. Морковкин В.В. Сочетаемостьные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов: Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. / Отв. ред. Г.Ю. Князева. – М., 1979. – Вып. 145. С. 129–140.

15. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: около 2500 словар. статей / Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – 688 с.

16. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка: Ок. 25 000 слов / Под ред. В. В. Морковкина. М., 2000. 240 с.

17. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лекс. списков: От 500 до 5000 самых важных русских слов / Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая, В.В. Морковкин и др.; под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2003. 768 с.

18. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Транзиткнига», 2004. 872 с.

19. Гаршин А.П., Морковкин В.В. Комплексный учебный словарь химических терминов. СПб.: СПбГТУ, 1999. 405 с.

20. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения,

числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др.; Под ред. В.В. Морковкина. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 432 с.

21. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

Александра Игоревна Ольховская
ГИРЯ им.А.С. Пушкина
Москва, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баско Нина Васильевна – к.ф.н., доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) ninabasko@mail.ru

Вавулина Анастасия Владимировна – к.ф.н., доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) avavulina@mail.ru

Викулова Лариса Георгиевна – д.ф.н., проф., зам. директора Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва, Россия) vikulovalg@mail.ru

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна – д.ф.н., проф. Высшей школы перевода (факультета) имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) golmonat@mail.ru

Кольцова Наталья Зиновьевна – к. ф.н., доц. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (Москва, Россия) koltsova@rambler.ru

Котюрова Мария Павловна – д.ф.н., проф. кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия) kotiurova@yandex.ru

Лесневска Димитрина Спасова – д-р, доц. кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария) dimitrina_lesnevaska@abv.bg

Мишева Любов Стефанова – директор 131-ой СОУ им. Климента Тимирязева (София, Болгария) sou131@abv.bg

Мороз Иосиф Наумович – д-р, доц. фак. Славянской филологии Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) josif_mo@abv.bg

Ольховская Александра Игоревна – к.ф.н., ведущий научный сотрудник Сектора учебной лексикографии Государственного Института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия) AIOlkhovskaya@pushkin.institute

Рянская Эльвира Михайловна – д.ф.н., проф. Нижневартковского государственного университета (Нижневартовск, Россия) elohka2210@mail.ru

Тарев Борис Владимирович – к.ф.н., проф. кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия) boristarev@mail.ru

Терзиева Татьяна Васильевна – ассистент Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария) tatianavasilevna_76@abv.bg

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bolgrusistika@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются материалы на русском языке.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, шрифт 12.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На русском языке (*данные автора: Имя Отчество Фамилия, Название организации, Город, Страна, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), а затем на английском языке (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), напр.:

Вера Иванова Петрова
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария
(шрифт 11)

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (шрифт 12)

Аннотация: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: шрифт 11, не более 10 слов

Vera Ivanova Petrova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
(шрифт 11)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE (шрифт 12)

Abstract: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Keywords: шрифт 11, не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на русском языке: шрифт 12, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, шрифт 10. Библиографические ссылки – в квадратных скобках [Фамилия автора, год издания, стр.], например: [Петров 2007], [Иванов 2014: 43], [Ефимова 2000: 60–72]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них.

Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 шрифт).

Список литературы – шрифт 11, в конце статьи без нумерации, фамилии авторов в алфавитном порядке (сначала на кириллице, потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Литература оформляется следующим образом:

ЛИТЕРАТУРА

Максимов, Голубева 2010 – Русский язык и культура речи. Учебник / Ред. *Максимов В.И., Голубева А.В.* Санкт-Петербург: Златоуст. – 382 с.

Формановская 2002 – *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык. – 216 с.

Целищев, Карпович, Поляков 1982 – *Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука. – 189 с.

Черникова 2011 – *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. № 11. – С.71–79.

Krier 1979 – *Krier Rob.* Urban space. New York: Rizolli international publications. – 174 p.

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЦЕНЗИЙ

Рецензия на русском языке – шрифт 12, объем: до 8 000 знаков с пробелами. Заглавие рецензии – точные данные рецензируемого труда. Данные автора помещаются после текста, напр.:

**Елена Андреевна Брызгунова. ЗВУКИ И ИНТОНАЦИЯ
РУССКОЙ РЕЧИ. М.: Русский язык, 1977. – 281 с.**

Текст, текст....

Ирина Иванова Петрова
ЮЗУ им. Неофита Рильского
Благоевград, Болгария

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com